

ФАНТАСТИЧЕСКИЙ
БОЕВИК

РОМАН ЗЛОТНИКОВ,
ДАНИИЛ КАЛИНИН

РОГОРА. ДОРОГОЙ ВОССТАНИЯ

Роман Злотников

Рогора. Дорогой восстания

«АЛЬФА-КНИГА»

2019

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

Злотников Р. В.

Рогора. Дорогой восстания / Р. В. Злотников — «АЛЬФА-КНИГА», 2019

Аджей Руга, дворянин из славного, но небогатого рода, прибывает в Рогору – захолустную провинцию на юге Республики. Ему предстоит постылое служение «советником» в крохотном баронстве Корг – и в метрополии он принял волю короля как ссылку без прилагательного «почетная»... Аджей еще не знает, что в Рогоре он встретит свою любовь. И даже в кошмарном сне он не может себе представить, что отец возлюбленной до мельчайших подробностей спланировал самое опасное в истории Республики восстание, начав претворять его в жизнь... Что выберет молодой дворянин? Долг служения или любовь? И как на этот выбор повлияет тайна его рождения?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Злотников Р. В., 2019
© АЛЬФА-КНИГА, 2019

Содержание

Пролог	5
Часть первая	13
Глава 1	13
Глава 2	26
Глава 3	36
Глава 4	42
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Роман Злотников, Даниил Калинин

Рогора. Дорогой восстания

Пролог

*Весна 758 г. от основания Белой Киш – древней столицы Великого княжества Рогоры
Лецеж, стольный град баронства Корга*

Барон Когорд

– Господин советник¹, к чему ваше столь ярое желание встретиться со мной именно сегодня? И в столь позднее время, какое уместнее провести в компании супруги?

– Барон, ну что вы! Я прекрасно знаю ваши привычки и также знаю, что вопросы вашего лена для вас гораздо важнее общения с любимой женой. А причина моего столь позднего визита куда как безотлагательна и требует немедленного обсуждения.

Напыщенный седой индюк! Как же я ненавижу его и все, что он сейчас олицетворяет и к чему обязывает! Все эти политесы, все эти экивоки, недосказанности! Как ненавижу уродский столичный стиль, что принуждает мужика натягивать на себя бабские панталоны и чулки, камзолы и жабо, впивающиеся в горло! Да я уже взопрел в них!

Мой собеседник, однако, словно и не чувствует неудобств непривычной для нормального мужика одежды. На нем все это сидит... да, пожалуй что и уместно. Впрочем, кто его назовет нормальным? Или кто из рогорских² женщин по доброй воле хотя бы взглянет на этого старого хлыща? Не спорю, что-то аристократичное в его внешности есть (высокий лоб, аккуратная седая борода, окаймляющая подбородок, узкий нос с благородной горбинкой), но ранняя залысина и противная лисья усмешка вкупе с ледяными глазами – все это оттолкнет если не любую, то большинство наших женщин, предпочитающих в мужчинах силу и мужество.

Ответив собеседнику скупой усмешкой – ну я же должен был попробовать! – с этакой ленцой потянул молодое вино, разлитое еще в старых, дедовских рогах. Есть в них что-то первобытное, что роднит мужчину с его естеством.

– Вы правы, если речь действительно идет о важных, целесообразных делах, но...

– Но о чем таком важном с вами может заговорить советник, да еще и года не проживший на земле Рогоры? Действительно... разве что о невозможности брака вашей дочери и графа Лаграна³. Ведь вы завтра хотели послать гонца с заключительными условиями союза, разве не так?

¹ Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 8): «Тогда же король Януш Четвертый утвердил эдикты, ограничивающие численность дружин владельцев Рогоры, ввел ограничение на огнестрельное оружие, ввел новые налоги, в дальнейшем разорившие ремесленников и купцов во всех без исключения ленах. Для соблюдения же эдиктов король Януш утвердил должность советника при владельцах, вменив тому в обязанность следить за соблюдением эдиктов и полнотой сбора налогов».

² Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского: «Рогора. Предгорный край по южную сторону Каменного предела (**Каменный предел** – горная система, лежащая между Рогорой и Республикой. Преобладают в ней известняковые породы.). Населен народом, родственным частично лехам, частично горским племенам; кровь жителей страны изрядно разбавлена кочевниками, из года в год разоряющими Рогору. До Великого похода торхов была независимым государством со стольным градом Кия. После гибели великого князя и ополчения разоренная и разграбленная Рогора значительно сократилась в размерах, уступив степнякам многие территории, удобные для кочевья. Сегодня земля ее оскудела, население живет в нищете и постоянном страхе набегов торхов».

³ Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 3): «Тогда же лехи заперли проход в Каменный предел замком Львиные Врата, навсегда закрыв торхам дорогу через горы. Уцелевшие владельцы Рогоры принесли королю лехов вассальную клятву в обмен на военную помощь против кочевников. Стоит признать, что совершили они великую глупость: давно забыв о родстве народов, лехи более отсиживались за каменными стенами, чем помогали ратниками и оружием. Но, имея неприступную крепость на земле Рогоры, они постепенно подчинили себе все лены. Когда же ослабели торхи в меж-

Только чудом не поперхнувшись вином, медленно опускаю свой рог в подставку. Сильное заявление, что должно было заставить меня врасплох. И кстати, застало, вот только виду сейчас подавать никак нельзя.

– Господин советник, а позвольте мне узнать, когда ваша воля стала определяющей в вопросах бракосочетания рогорских дворян?

Гаденько изогнув уголки губ, мой собеседник с видимым неудовольствием потянул вино (напиток явно не для знати из метрополии) и лишь после ответил, веско бросая каждое слово:

– С тех самых пор, как король запретил заключать брачные союзы между самыми сильными семьями рогорских дворян. Если вы забыли родную историю, напомню: этот указ был издан сразу после подавления восстания Эрика Мясника.

Эрик Мясник... В Рогоре нет человека, не слышавшего об Эрике из рода Лагран. По достижении мужской зрелости могучий и буйный муж взял в жены (вот насмешка судьбы) Эрику из семьи Скард, объединив таким образом мощь самых непокорных дворян по эту сторону гор. Засилье лехов из метрополии обернулось для них страшной бедой: подняв восстание против беззакония пришлых властителей, Эрик не знал пощады.

В итоге же после предательства дрогнувших союзников и удара кочевников в спину кучка повстанцев была заперта коронными войсками в родовом замке Лагран; доблестной и продолжительной обороной Эрик выбил у короля помилование для последних своих воинов. Мясника обманули, перебив всех сдавшихся, а самого Лаграна торжественно казнили в столице при огромном скопище зевак. Тем не менее лехи более не стремятся селиться в Рогоре, а их присутствие ограничивается лишь контролем со стороны советников.

Моя обезоруживающая улыбка и оскорбленная невинность в глазах скрывают напряженную работу ума. И внутреннее колебание перед сложным и опасным выбором...

– Но разве скромный барон претендует на звание главы сильного рода? Насколько я помню, сегодня запрет касается лишь четырех дворянских семей: Лаграна, Корхорда, Регвара, Скарда. Владельцы графских ленов, чьи земли и достаток как минимум вдвое превосходят мой лен.

Возвращая улыбку, советник сладко так потянулся, словно кот перед полной миской сметаны:

– Это только пока... Мои предшественники, бедные вояки или неугодные, отстраненные от двора вельможи, были преступно слепы. Одних вы увлекли идеей борьбы со степью, другим вы до того преданно заглядывали в раскрытые рты, что заставили их почувствовать себя этими князьками. О, люди любят ощущение власти и собственной значимости! Или хотя бы ее видимость... Вот только я был сюда направлен по личному поручению графа Бергарского.

– И надо понимать...

– И надо понимать, что у графа великолепное чутье и достойные помощники. Он именно что почувствовал неладное на юге, и его влияния при дворе было достаточно, чтобы я в считанные недели оказался здесь с заранее оговоренными задачами. Граф был, как всегда, прав, и, если грамотно преподнести информацию, добытую мною за последний год, он вполне сможет стать герцогом! Не забудут и про вашего покорного слугу.

Да, видимо, Ларг не ошибся в отношении советника. А значит, никакого выбора у меня нет, только необходимые действия. Впрочем, все же стоит довести спектакль до конца.

– А позвольте полюбопытствовать, господин баронет⁴, что же вы такого узнали в бедном заштатном баронстве заштатной земли? И что способно вас так возвеличить?

доусобной борьбе настолько, что не могли более собирать войска для крупного набега, в Рогоре уцелело двенадцать ленов и двенадцать владычных домов. Четыре более крупных, а потому графства: Лагран, Корхорд, Регвар, Скард. Восемь более мелких, а потому баронств: Корг, Отар, Керия, Лудвук, Рогар, Скур, Леорс, Рутан.

⁴ С некоторых пор дворянские титулы в Республике продаются королевской семьей, что приносит ей немалые деньги. Однако новоиспеченные дворяне имеют право носить титул лишь баронета. Кроме того, сей титул в случае признания роди-

Выделенный интонацией намек на неблагородное происхождение все-таки заставил бастарда неприязненно поморщиться. Поэтому начал он грубо и резко, без присущей ему неторопливости и вальяжности:

– Во-первых, я успел узнать, что не меньше третьей части огнестрелов, состоящих на вооружении степной стражи, попали в баронство контрабандой, причем через горы. Не знаю, как вы договорились с дикими кланами и республиканскими ворами, но это состоявшийся факт. А чтобы не попасть под ограничения по закупке оружия, часть стволов признается временно негодными – вышедшими из строя в связи с трещинами в стволах, некачественной выплавкой и так далее. Но на самом деле ваши отряды оснащены огнестрельным оружием в большей степени, чем некоторые коронные части⁵. Да-да, оружейные мастера в крепостях пограничной стражи, куда так редко заезжали мои предшественники, наловчились неплохо исправлять тот брак, которым вы столь успешно прикрываетесь.

Бросив собеседнику презрительную улыбку, максимально расслабленно откидываюсь на спинку стула.

– Чепуха! Огнестрелы необходимы нам для выживания, не более. Факт контрабанды мне неизвестен, но если и так, если какие-то республиканские молодчики сумели договориться с горцами, что само по себе невероятно, и торгуют с моими людьми, я не вижу повода наказывать командиров степной стражи. Наша малочисленность компенсируется лишь огнестрелами, которых нет у степняков, это оружие не производится нигде в Рогоре согласно вашему же эдикту, а потому мы вынуждены закупать его везде где только можно. Но я верен всем республиканским договорам и еще раз говорю: я контрабандой не занимался. Если же это сделал кто-то из командиров... А почему бы нам с вами не съездить в крепости? Сами посмотрите, сколько исправных стволов находится на вооружении; уверен, что их число, даже вместе с вышедшими из строя, не будет превышать установленные нормы.

Что касается оружейников, правящих оружие, – как я уже сказал, это вопрос выживания лена. Если вы не забыли, ствол любого огнестрела имеет свойство изнашиваться в бою. Править их совершенно естественно. Так что если вы хотите сделать карьеру на показательной порке, то вам скорее стоит найти тех самых виртуозов, что сумели пройти через Каменный предел!

– Что же, пусть так. Вы построили четыре крепости, создав степную стражу на границе баронства и кочевий торхов⁶. Еще две вы строите на границе с соседними ленами – для прикрытия от кочевников со стороны уже их земель. Ваша дружина вместе со степной стражей превосходит силы любого владельца и где-то раза в полтора превышает максимальную численность графских отрядов, установленную королевским эдиктом. Но вы вновь сделаете искренне недоуменное лицо и напомните, что степная стража не относится к вашей дружине и что ваши воины служат в страже лишь десятниками и сотниками. Все остальные бойцы – это мирные пахари, на три года уходящие в крепость для защиты родных. Прекрасно придумано.

телями с голубой кровью могут наследовать незаконные дети дворян от простолюдинов. Последние имеют право заслужить более высокое достоинство.

⁵ Из доклада купца Рульфа, тайного шпиона баронета Этира: «Всего же в замках степной стражи насчитывается более тысячи исправных огнестрелов, в основе своей фитильных, хотя попадаются и кремневые. Также всадники стражи имеют на своем вооружении ручные самопалы; из расчета одной пары на всадника получается порядка двух тысяч пар, или четырех тысяч единиц оружия. Таким образом, число годных к бою огнестрелов на вооружении степной стражи превосходит установленное эдиктами короля Януша Четвертого в десять раз, а число ручных самопалов – в двадцать».

⁶ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского: «Торхи. В недалеком прошлом – великие торхи, свирепый и жестокий народ, чьи воины признавались лучшими наездниками во всей Окуйене. Однако с гибелью последних членов царского рода Чигиза сей кочевой народ утратил былое влияние, ратную выучку и славу. Немногие города их погибли в пламени междоусобных войн, а вместе с ними исчезли искусные оружейники и прочие мастера; так торхи утратили тяжелую латную кавалерию и имеющуюся у них артиллерию – катапульты, требушеты. Также итогом междоусобиц в среде кочевников стало полное безвластие и бесконтрольность вождей мелких родов торхов. Ныне кочевники уходят в набег не более чем двумя-тремя родственными тейпами, чья численность не превосходит тысячи всадников. И лишь раз в десяток лет степняки собирают курултай, на котором принимают решение о цели большого похода, а также выбирают походного вождя».

Под прикрытием крепостей, разъездов, летучих отрядов конницы вы обезопасили своих подданных от набегов, торхи забыли уже путь в ваш лен, даже наоборот: последнюю крепость – Барс, верно? – вы возвели уже на их земле. Но в степной зоне урожаи особенно хороши, а жизнь в Корге стала столь безопасна, что в ваши земли случилось великое переселение кметов⁷ из соседних ленов. Они возделывают плодородную землю, а потому довольно богаты и даже ведут собственную торговлю, не попадающую под королевский налог... Что ж, если вы не забыли, могущество лена измеряется не только землями или силой дружины, но и числом его подданных. У вас их больше, чем даже у Лаграна.

– И это ваш единственный аргумент в пользу запрета на брак моей дочери и молодого графа? Возможно, вы правы насчет численности моих кметов. Увы, я не проводил переписи населения, а потому не могу сейчас утверждать точно, правы или не правы.

Но если вы не забыли, Республика⁸ также не проводила переписи. Так проведите или поручите это дело мне, мы справимся собственными силами. Однако свадьба уже назначена и состоится всего лишь через два месяца; вы правы, гонец отправится в Лагран уже сегодня утром. К сожалению, за столь короткое время, боюсь, я не успею справиться со столь важной задачей, как перепись. Вряд ли и республиканские мерщики поспеют.

Странно, я громлю один его аргумент за другим, а он словно лишь наслаждается моей речью, будто бывалый игрок следит за удачливым новичком, оставив напоследок лучшие козыри...

– Знаете, барон, говорите вы очень убедительно. Но все же вам придется расторгнуть брачные обязательства Энтары Корг и Грега Лаграна.

– Вы не привели ни одного достойного аргумента.

Змеиная улыбка моего собеседника стала особенно хищной, а ледяные глаза наполнились мрачной усмешкой.

– Потому что вы отдадите свою дочь за меня. А в качестве приданого половину тех звонких золотых монет, что добыли на торговле зерном. Нет, конечно, сами вы не торгуете! Торгуют кметы. Смешно, правда? При переселении вы освобождаете каждого из них от любых налогов на десять лет, сделав исключение лишь для торговли. В Республике кметы не торгуют, слишком бедны; нет и налога. Вы ловкач, дорогой барон.

– Как вы смеете...

– Я не закончил. Вы переплавите всю выкованную в оружейных степной стражи броню, что готовили для создания латной конницы. Вы передадите Республике того мастера, что научился лить пушки и что трудится в Барсе. Вы выдадите нам всех контрабандистов и выдворите переселенцев в те лены, откуда они к вам переселились. Я уже подготовил специальный указ о запрете переселения кметов, а вы, мой дорогой барон, создали прецедент для его ввода. Благодарю. Думаю, нового ограничивающего указа для Рогоры, повешенных контрабандистов и литейщика-самоучки будет достаточно, чтобы наделать в столице шума.

Граф Бергарский станет герцогом, я, возможно, графом. Может, нет, но я вновь окажусь при дворе и буду всенепременно пользоваться расположением новоиспеченного герцога. Ваша дочь будет блистать в столице – денег из вашего приданого будет достаточно для достойного ее красоты поместья и тех дорогих безделушек, что так любят женщины. О, она будет счастлива, поверьте! Женщины очень любят жить в роскоши, и ради такой жизни они забывают все пристрастия прошлого. Даже такая дикая амазонка, как ваша дочь, забудет прежние вольности,

⁷ **Кмет** – крестьянин по-лехски. В последние годы в Республике это слово стало синонимом понятия «бедняк».

⁸ Республика сложилась из добровольного слияния Лехского королевства и Великого княжества ливов. Последнее стало возможным благодаря тому, что государствами правили родные братья. Великий князь не оставил потомства, и, таким образом, наследник короля стал также и наследником княжества, объединив под своей властью оба государства. Именно дата провозглашения Республики принята как точка отсчета летосчисления лехов.

окунувшись в жизнь столичного бомонда. Она будет блистать! А я сделаю ее жизнь столь роскошной, что Энтара в конце концов искренне меня полюбит.

Как видите, всем хорошо, все в выигрыше. Даже вы. Точнее, особенно вы. Ведь готовящееся восстание в итоге обернулось бы для Рогоры морем крови. Да, скорее всего, вы смогли бы объединить вокруг себя другие графства и их дружины. Допускаю, что с некоторым числом латной кавалерии, с большим количеством огнестрелов и даже пушками вы смогли бы одержать несколько побед местного значения.

Но если вы не забыли, все это уже было в истории Рогоры. Потеряв пару отрядов, Республика двинет сюда коронное войско, что неминуемо раздавит повстанцев. Тем более что ваши временные союзники – а согласитесь, что они именно временные, – предадут вас, как только станет ясно, что победы вам не одержать. С тыла же ударят кочевники... Ах да, вы ведь тайно отправили к ним сына. Рассчитываете на мир или, может, на военный союз? Полноте. Торхи предадут вас и ударят в спину, как только почувствуют запах большой битвы и большой крови. Вам не выиграть! Так не лучше ли сразу отказаться от заранее провального мероприятия?

«Козыри в рукаве есть не только у тебя, баронетик, – подумал я. – Проклятье, Энтара меня спасла! Если бы не красота дочери, этот хитрый и оборотистый лис уже сидел бы в столице, а в Рогору вошла панцирная конница дворянского ополчения...»

– Да, советник, вы меня удивили... Что же, аргументация у вас сильная. Давайте компромисс: вы не вводите закон о запрете переселения, а предложите, к примеру, обложить кметов еще одним, коронным налогом на торговлю и ремесла в Рогоре. И собирать их будут республиканские данщики. Думаю, сей закон будет принят гораздо быстрее и с большим воодушевлением, чем ограничения на переселение, верно? Контрабандистов я вам сдаю, про мастера-литейщика объявляю во всеуслышание и прошу вас ходатайствовать перед королем о том, чтобы он остался в Барсе. Пушки нам нужны против кочевников, давайте же мы оставим их у стражи, ограничив число и отливая лишь небольшие крепостные орудия? В случае успеха моя личная благодарность вам будет оценена в десятую часть моей казны – это не считая половины приданого. К слову, доспехи я не стану плавить, а передам королю как дар – лишь бы оставил мне литейщика.

Ах, и самое главное. Если вы соглашаетесь, мы прямо сейчас совершим свадебный обряд. И уже сегодня ночью вы сможете узаконить ваш брак. Ну что, на такие условия вы согласны?

Глаза старого лиса наконец-то перестали быть ледяными. О нет, теперь в них расплескалось темное, животное пламя похоти...

Тварь! Ты думаешь, я отдам тебе свою дочь, старому вонючему козлу?!

– Вы умеете убеждать, барон. Думаю, наш с вами союз будет выгоден обеим сторонам. Вы действительно готовы поженить меня с вашей дочерью прямо сейчас? О, женщины любят пышные свадьбы! Я закачу ей такую церемонию в столице, что не устраивали иные герцоги! Но церемония церемонией, а сам свадебный обряд можно будет просто повторить... Я согласен.

– Великолепно! Стража!

Мигом приоткрылась дверь, и показалась голова дружинника.

– Пошлите за моей женой и дочерью, приведите их сюда как можно быстрее! – Повернувшись к старому лису, остановил его вопрос взмахом руки: – В Рогоре право совершить брачную церемонию имеет владетель лена. Я сам сочетаю ваш брак, по нашим, а значит, и республиканским законам он будет считаться действительным.

Баронет расплылся в слащавой, похотливой усмешке.

Рано радуешься, тварь!

– Позвольте, я предложу вам другой напиток, более приличествующий моменту?

С этими словами подхожу к камину, над которым в позолоченном сосуде хранится редкий, заоблачно дорогой напиток – горская медовуха с вытяжкой из львиного дерева. Учитывая замкнутость и кровожадность горцев, практически всякое отсутствие легальной торговли

с ними, этот напиток, изготавливаемый лишь для вождей горных кланов, крайне редко встречается что в Республике, что в Рогоре. Он обладает целым рядом целебных свойств, никак не отражается в похмелье, но главное – всего один бокал напитка, и даже у древнего старца проснутся такие мужские силы, что он целую ночь сможет любить самую несдержанную, горячую молодку. Самое то, чтобы произвести впечатление на неопытную девушку.

– Горская медовуха? – В голосе баронета проскальзывает тщательно скрываемая надежда.

– Все-то вы знаете... Вот что, после этой ночи этот сосуд – из чистого золота, между прочим! – я передам вам. И обязуюсь и впредь передавать вам сей напиток всякий раз, как он окажется в моем распоряжении. Раз уж моя дочь выйдет замуж не за молодого красавца – уж извините меня за прямоту, – любите ее, как ни один молодец не сможет любить. Вы были правы насчет роскошной жизни, но помимо жажды красоты любая жена жаждет любви мужа, во всех смыслах. С этим, – я щелкнул пальцем по запечатанному кувшину искусной работы, – она никогда даже не задумается о другом мужчине, кроме вас... А вот и бокалы. Обратите внимание, баронет, – горный хрусталь!

Прозрачные как слеза бокалы, купленные за баснословную цену в столице, я использую всякий раз при сложных переговорах, когда просто необходимо произвести впечатление на собеседника. Вот и на этот раз не подвели...

Напиток, разливаемый в фужеры из хрусталя, наполняет комнату ароматом горных трав и цветов, пропитывая пьяным дурманом воздух.

– Ну, за молодую семью!

– Благодарю вас, барон!

Лис жадно осушает свой бокал, кадык его при этом мелко дергается. Что же, напиток действительно очень вкусен и стоит своих денег – меры золота на вес нектара. Букет его насыщен, и освежает он столь сильно, что всего за несколько мгновений мышцы наливаются энергией, а сознание проясняется даже после бессонной ночи.

Внимательно проследив за тем, как собеседник осушает свой бокал, я удовлетворенно вздохнул:

– А вот скажите, баронет, вы не боялись шантажировать меня, выставя столь унижительную цену за молчание? Вы же должны понимать, сколько сил я потратил, чтобы подготовить свою землю к восстанию, и как сильно люблю свою дочь? Я ведь помню еще ее первую, младенческую улыбку, первое «агу», первые шаги... И вот так отдать ее за вас, недомужика, от которого банально смердит?

Надо видеть лицо советника. От настороженности и испуга до гнева и, наконец, настоящей ярости.

– Если я не вернусь сегодня из вашего дома, полный пакет документов, изобличающих вас, незамедлительно отправится в Республику. Ведь не думали же вы, что я отправлюсь в логово зверя без должной страховки? Правда, я предполагал, что вы начнете угрожать мне раньше. Сейчас же поздно, я не отступлюсь от брака с вашей дочерью, но на оскорбление отвечу достойно. Благо с момента заключения брака жена пребывает в полной власти мужа!

Кровь ударила мне в голову, но внешне я сохранил спокойствие. Начатую партию необходимо довести до конца, иначе какой смысл?

– Позвольте, баронет. А ваше доверенное лицо – это не тот тихий и неприметный юноша, что приехал торговать в Рогору не позднее чем через месяц после вашего прибытия? Да, ловкий малый, все почитали его необычно смелым для торговца из Республики – лех осмелился ездить торговать и в предгорные селения, и даже в крепости степной стражи, в том числе в Барс. Доглядчик, значит... Вы с ним практически не встречались, передавали всю информацию через ту вдову-купчиху, у которой время от времени покупали вино? И конечно, парень в очередной раз ночует у нее, ожидая вашего возвращения... Стража!

Дружинник вновь показался в дверном проеме.

– Предупредите мою жену и дочь, чтобы они возвращались в свои покои. Ни в коем случае их сюда не впускайте. Передайте Ларгу, пусть берет купца. Он поймет. И зовите эскулапов.

Все это время побледневший, словно накрахмаленное полотно, баронет безвольно молчал – видимо пораженный ужасом. Но, сделав над собой усилие, он разомкнул губы:

– Я следил за вами, вы следили за мной. Что же, это необходимо было предвидеть. Проклятье, красота вашей дочери заставила меня забыть об осторожности... Но послушайте, если вы меня убьете, это вызовет подозрения. Граф Бергарский не оставит мою гибель без внимания – тем более что я умру в вашем дворце. Придут другие, не менее оборотистые, но более осторожные. Все тайное все равно станет явным! И, как я уже сказал, у восстания нет шансов!

– Это вы так считаете. А на мой взгляд, при правильном планировании кампании у Рогоры есть все шансы объединиться и восстановить независимость. Тем более у меня есть некоторые козыри – ваш паршивец вынюхал не все, далеко не все... Что же касается лазутчиков Бергарского – мы будем их ждать. Все чужаки отныне будут просто пропадать в Корге, – я обезоруживающе развел руками, – да и времени у Республики осталось немного. Все уже практически готово. Если войско польного гетмана⁹ и двинется сюда, они лишь ускорят процесс объединения. А коронную армию сюда сразу никто не отправит...

На лице моего собеседника отразился ужас. Он понял, что раз я разоткровенничался, то точно не выпущу его отсюда живым. И все-таки баронет хотя бы попробовал:

– Граф, пощадите. Я могу быть вам полезен. Я могу в начавшейся кампании прикинуться перебежчиком и оповещать вас о численности и передвижениях республиканцев. Я...

– Полноте, советник. Предавший один раз предаст и дважды. У меня нет никакой веры вам и нет ничего, что обеспечило бы вашу исключительную преданность. И потом, вы уже мертвы. Хотя бы костлявую встретьте честно, как мужчина.

– Что было в бокале?

– Особый яд, что постепенно замедляет работу сердца. Яд редкий, в Республике неизвестен. Никто не сможет обнаружить следы его присутствия. Вы уже наверняка чувствуете слабость, а через пару минут не сможете сопротивляться сну. Во сне же сердце остановится – еще через пять минут. Между прочим, не самая жуткая смерть, которой я хотел бы вас предать за дерзость в отношении моей дочери. Я, пожалуй, побуду с вами в последние мгновения. Не очень приятная компания, но все же вы встретите свой конец не в полном одиночестве. Можете помолиться или проститься с близкими, я дам чернила и перо. Но не пытайтесь никого предупредить, я все прочитаю, и, если найду хоть что-то подозрительное, ваши любимые ничего не получат.

– У меня никого нет... И детей нет...

Кажется, баронет сейчас расплатится.

– Полноте! Поздно задумываться о детях, когда наступил закат жизни. И потом, даже если вы не имеете законных наследников, сколько-то симпатичных кметок и служанок побывало в вашей постели. Наверняка кто-то понес.

– Будьте вы прок...

Договорить баронет не сумел – глаза закрылись. Подождав еще минуту, я аккуратно поставил напиток и бокалы на место, вылив на пол содержимое своего бокала. Признаться, это убийство не доставило мне никакого удовольствия, никакой отрады. Впрочем, я никогда не радовался смерти, разве что в рубке с торхами, да и это было скорее кровожадное торжество

⁹ **Польный гетман** – одна из высших сановных должностей Республики. Фактически полноправный владетель одного из четырех крупнейших гетманств государства – северного, южного, западного и восточного. Центральные земли Республики исконно являются личными владениями короля. В военное время польный гетман собирает под свое знамя дворянские хоругви, кроме того, в его распоряжении имеется крупный отряд элитной королевской кавалерии – крылатых гусар и некоторое количество артиллерии.

над сраженным врагом. Но бой – это иное, там или ты, или тебя. Здесь же преднамеренное, тайное убийство.

Подойдя к выходу из покоев, аккуратно прикрываю дверь. Советник Этир мог преподнести мне неприятный, фактически загробный «сюрприз», попробовав напоследок исполосовать себя чем-нибудь острым, да хотя бы осколками разбитого бокала. Тогда его смерть было бы не так просто выдать за естественную.

Но ничего подобного баронет не предпринял. А то я успел пожалеть в душе насчет собственных слов о достойной смерти – вдруг Этир слишком буквально бы их воспринял? За себя я нисколько не переживал: придворный старый хлыщ вряд ли сумел бы хоть что-то сделать бойцу, добрую треть жизни посвятившему схваткам с кочевниками.

– Впускайте только эскулапов. Баронету, кажется, стало плохо.

Воины старшей дружины, моя личная гвардия и телохранители семьи, – вне стен дворца одни из самых влиятельных и знатных людей лена. Это также и верные боевые соратники, не раз спасавшие мне жизнь в походах. Они умеют держать язык за зубами, равно как и эскулап Феодор, житель далекой северной державы, граничащей с Республикой. Как ни странно, но его народ имеет родственные связи с Рогорой¹⁰.

И все-таки советник сумел меня удивить. Проклятье, дознался один, узнает и другой. Нужно спешить, времени осталось слишком мало...

¹⁰ Речь идет о земле ругов – наиболее сильной державе из созданных когда-то родственными народами. Граничит на востоке с Республикой и часто вступает с ней в военные конфликты; также руги часто сражаются с торхами. Степная стража Рогоры создана по примеру порубежников Ругии.

Часть первая

Путь в Рогору. Дорогой любви

Глава 1

*Лето 136 г. от провозглашения Республики
Коронные земли, усадьба баронов Руга*

Аджей, молодой наследник

Звон учебных клинков заполнил все пространство фехтовальной площадки. Рот наполняется горечью – гортань пересохла уже после второй схватки, а в очередной раз оказавшись на земле, я умудрился хватануть песок.

– Держи корпус!

Несмотря на то что учитель фехтует одним лишь «цветком»¹¹, а я всю пользу зажа-тым в левой тренировочным кинжалом¹², ни один из моих клинков так и не достиг Ласара. От большинства уколов он успевает просто уйти, мгновенно перетекая из одной атакующей позиции в другую и тут же контратакуя; лишь изредка учитель парирует особо точные выпады. Дистанцию своего клинка он держит отменно, не позволяя мне приблизиться и пустить в ход кинжал. Словно глаза на затылке – отступает уверенно, а когда позади возникает препятствие, плавно перетекает в сторону. Ничего сверхъестественного – Ласар великолепно помнит рельеф площадки.

– Быстрее! Двигайся, не застывай!

Ах ты ж сволочь... Ну получай!

Укол шпагой – уходит влево, мгновенная контратака – стрелой полетевший в меня клинок сбивает кинжалом, развернутым острием вниз, и тут же резкий разворот, как бы продолжающий парирование, рубящим ударом отправляю шпагу в голову учителя.

Тренировочный шлем надежно защищает от ран, так что тяжелый удар – учебные клинки не уступают весом боевым – лишь хорошенько встряхнет наглеца.

«Цветок» режет воздух, инерция удара столь высока, что меня разворачивает следом. Впрочем, равновесия я не потерял... что уже не столь и важно – свинцовый «бутон» в на-вершии клинка Ласара болезненно ткнул меня в незащищенную гортань. Легко присевший на согнутых ногах учитель пропустил мой выпад над головой и мгновенно поразил открывшийся корпус.

¹¹ Опытные фехтовальщики нередко называют «цветком» учебную шпагу. Такое название тренировочный клинок получил за свинцовый шарик-«бутон», закрепленный на острие. Несмотря на пренебрежительное название, «цветком» вполне можно покалечить: порвать щеки, выбить глаз или зубы.

¹² Искусство фехтования начало развиваться с момента появления огнестрельного оружия – самые мощные и тяжелые доспехи перестали защищать от маленьких свинцовых шариков, выпущенных из длинноствольных огнестрелов. В это же время тяжелый меч, призванный разрубить или прорубить доспех, ушел в прошлое, уступив более легким и подвижным клинкам: шпаге и рапире. Шпага – более тяжелый и массивный клинок, потому искусство защиты с ней сводится к уклонам, перетеканию из одной атакующей позиции в другую и стремительным контратакам. Рапира – более легкий и тонкий клинок, предназначенный не для битвы, а для ношения с парадной и повседневной одеждой дворян, этакий «гражданский» меч. Ею значительно легче парировать уколы противника, поэтому рисунок схватки на шпагах и рапирах разительно отличается. Но, отдавая дань воинскому искусству прошлого, современные фехтовальщики сохранили главный его принцип: атакуя правой, защищаешься левой. При мече роль защиты играл щит, при легких клинках – кинжал-«дага» или накрученный на левую руку плащ. В обоих вариантах разработана своя техника защиты. Соответственно боец, вступивший в схватку с парой клинков против одного, имеет значительное преимущество.

– Оставь эффектные пируэты мастерам фехтования и напыщенным хлыщам, что по глупости своей уверовали в свое мастерство. Такой удар нужно готовить тщательней, связать меня игрой клинков, заставить попятиться и уже потом выбросить шпагу. Впрочем, чтобы поразить меня, нужно двигаться в два раза быстрее, глупыш. В два раза...

Проклятье, я уже десять лет «глупыш»! И все это время никак не могу стать достойным оппонентом наставнику!

– Еще схватка. И не забывай: корпус нужно держать ров...

– Ровно! Ибо ровный корпус есть залог точности движений и уходов. Зна...

Атакующий со скоростью броска гадюки клинок я уже не успеваю парировать. На этот раз «бутон» вполне мог выбить мне зубы или глаз – тут уж как повезет, – но в последний момент сработала натренированная Ласаром реакция: ухожу от удара, отклонив голову и прогнувшись в спине.

– Плохо! Где контратака? Я был открыт!

Брошенный сверху вниз кинжал летит в лицо Ласара. Учитель рефлекторно отбивает его в сторону, но молниеносный удар «цветка» достает не защищенное гардой запястье. Шпага вылетает из руки, осушенной ударом свинцового «бутона».

Лицо Ласара исказилось болью и гневом. Ох, что сейчас будет...

Но оно того стоило!

Устало подняв клинок, учитель неторопливо распрямляется, потирая левой рукой поврежденное запястье:

– Грязные приемчики? В бою один на один, может, и сойдет... Ну, раз схватка становится боевой... будем сражаться на равных!

При последних словах будто бы расслабленное тело Ласара в одно мгновение наливается звериной грацией. Но устремившийся к корпусу клинок режет лишь воздух – мгновенно отпрянув, я тут же контратакую уколom в живот. Ударив шпагой сверху вниз, учитель парирует выпад, чуть ли не выбив «цветок» из моей руки, но я уже практически дотянулся...

Несколько жарких мгновений площадка оглашается звоном металла. На этот раз Ласар не делает мне поблажек и атакует, смею заметить, с определенной злостью. И видимо, только поэтому я все еще стою на ногах и не оглушен ударом: атаки выведенного из себя наставника, как ни странно, легче парировать. Что ж, в раскACHE оппонента есть свой сермяжный смысл...

Тело двигается само по себе, голова пуста. Страх перед разозлившимся Ласаром – может и покалечить, с него станется – заставляет меня двигаться быстрее, вернее, атаковать точнее.

Укол – уход... Укол – парирование – контратака – рывок в сторону – удар сверху наотмашь! В последний момент металл моего клинка со звоном встречает металл чужого клинка, не теряя инициативы, хватаю левой травмированное запястье и что есть силы сжимаю, воткнув большой палец в назревший кровоподтек.

Лицо наставника искажается болью, пальцы практически выпустили рукоять. Тупое лезвие моего «цветка» приблизилось к шее Ласара...

Резко отпрянув, учитель выгибается в сторону, одновременно прихватывая свободной рукой запястье моей правой – и тут же я падаю наземь, сбитый точной подсечкой. Родной песочек нашей гладиаторской арены привычно принимает меня в свои объятия.

– А ведь он практически обезоружил тебя, Ласар.

– Господин барон, – учитель развернулся к моему отцу, спускающемуся по ступенькам лестницы, – Аджей сегодня действительно неплох. Похоже, я сумел-таки раздуть в нем жажду победы.

Ах вот оно как, жажда победы?! Хотя если вдуматься...

– Что ж, отлично. Мой сын начинает драться не как фехтовальщик, а как воин, это прогресс. Посмотрим, что он сумеет сегодня показать на саблях.

Проклятье! Отец берет в руки саблю – жди беды.

В Республике сабля пока не очень распространена как оружие дворянина. Тяжелая шпага – на войне, легкая рапира – в повседневной жизни. Вступив в поединок с равным, вооруженным прямым клинком, ты начинаешь плести смертельное кружево из уколов, парирований, уходов... Что шпага, что рапира – оружие преимущественно колющее, впрочем, тяжелая боевая шпага способна рубить верхней третью клинка.

Но рисунок боя на саблях совсем иной. Сабля – оружие в первую очередь всадника против пешца, ее форма с искривленным клинком и смещенным центром тяжести позволяет наносить эффективные, особенно сверху вниз, рубящие удары. Схватка на саблях – именно что рубка, и несведущему человеку может показаться, что этому оружию недоступно изящное фехтование. Что ж, сей человек не видел в действии моего отца.

Вставая с земли, я невольно залюбовался бароном Руга, сухим и поджарым мужчиной, что сохранил гибкость и недюжинную силу, возрастом перевалив уже на закат жизни. Отец, неизменно облаченный в черное, с легкостью начал танец клинка – сабля в его руках легко и стремительно порхает, рисуя вокруг бывшего воина настоящий стальной круг.

– Что же, глупыш, вот тебе и достойное наказание.

Ласар, бросив мне насмешливую – и мстительную – ухмылку, протягивает рукоять тупой тренировочной сабли. Только в отличие от прямого «цветка» рубящие удары учебной сабли вполне способны покалечить. А отец не слишком себя сдерживает даже здесь, на фехтовальной площадке. Однажды он сломал мне...

– Начали!

Родитель атакует, как всегда, стремительно, рубящим ударом, развернув клинок к себе. Целит он под кисть правой, сжимающей рукоять сабли. Наученный горьким опытом, я успеваю опустить ее и отпрянуть назад, увернувшись от обратного замаха, нацеленного в горло.

Шаг в сторону – и, бросив вес тела в удар, рублю наискосок, по диагонали. Мой клинок встречает блок отца, второй удар от себя – и вновь тренировочная сабля не достигает цели, встретив на полпути свою точную копию.

Какое-то время мы упражняемся молча, оглашая площадку звоном сшибающихся клинков и хриплым дыханием. Сверху – блок... По горизонтали – блок... Снизу вверх – блок... Пока я умудряюсь сдерживать атаку родителя и даже контратакую, хотя скорее это он просто разминается. Что же, попробуем удивить!

Ударив по горизонтали от себя, встречаю вовремя подставленный блок, крутанув кисть, наискось рублю по выставленной вперед правой ноге. И кончик елмани¹³ так чиркнул по ноге отца!

Свирепо усмехнувшись, развиваю успех диагональным ударом сверху вниз... но в последнее мгновение родитель легко уходит в сторону, а его сабля коротко бьет сверху вниз по моей, направляя острие в песок. Легким движением кисти крутанув клинок, отец рубит шею сбоку, остановив тупое лезвие у самой кожи.

– Ты не мог бы так легко двигаться с подрубленной ногой.

– Хох! Некоторые воины в горячке боя не замечают даже смертельных ран, продолжая сражаться еще какое-то время. Поверь мне, я бы с легкостью отпрянул, а вот ты слишком увлекся кратким успехом.

– Мало кто способен фехтовать на саблях так, как ты, отец. Среди...

– Среди твоих друзей – прожигателей жизни, тратающих все время на пиры, балы и охоты, о да... Ты не найдешь среди них себе равного противника. Но в кочевьях торхов встречаются такие рубаки, словно рожденные в обнимку с саблями.

¹³ **Елмань** – верхняя, более широкая четверть клинка сабли. Елмань увеличивает ее рубящие возможности, кроме того, обычно елмань затачивают с обеих сторон, что позволяет опытному рубака наносить урон обратной стороной клинка.

Упоминание о кочевниках заставило меня невольно поджать губы и посуроветь лицом. Проклятые выродки, отнявшие у нас мать...

Отец что-то прочитал по моему лицу. Жестом приказав Ласару удалиться, он хлопнул меня по плечу, направив к маленькой скамеечке, неизменно находящейся в тени.

– Тебя опять мучили кошмары?

Кошмары... Кошмар. Он возвращался ко мне все детство, много раз являлся в юности. Один и тот же – и, к сожалению, это была не фантазия ребенка и не выверты сознания, а настоящие воспоминания. Только несколько кусков, не дающих полной картины, но намертво врезавшихся в память.

«Беги!!!» – Заполосный, отчаянный женский крик... Это единственное воспоминание о матери, да и кто знает – она ли кричала и мне ли кричали? И все-таки как сын, не помнящий и никогда не знавший мать, я где-то в глубине своей души надеюсь, что это все же был именно ее крик – единственное сохранившееся о маме воспоминание.

Дикое ржание лошадей, ревуших в ночи словно демоны... Беспросветный мрак, в котором металась кричащая и отчаянно ругающаяся тень, слышался звон клинков и жуткие крики умирающих... Вспышка пламени, охватившего чей-то дом, – она вырвала меня из мрака, но все, что я увидел, это несущегося во весь опор ко мне торха с оскаленным лицом и занесенной для удара саблей...

А потом бесконечный бег, с надрывом сердца, бег, который нельзя было остановить – сзади я чувствовал стремительно приближающуюся смерть... Бег, секундная вспышка паники, вызванная тем, что мои ноги оторвались от земли... Короткое падение... А дальше...

А дальше я, как всегда, просыпаюсь. Упав ночью восемнадцать лет назад в какую-то расщелину, я потерял сознание и тем самым сохранил себе жизнь. Уже утром летучий отряд рогорцев с сыном барона Корга и горстка лехов моего отца нашли пепелище очередной разоренной деревни... И меня, единственного уцелевшего ребенка, по счастливой случайности оказавшегося похищенным ранее сыном барона Руга.

В то время отец представлял в Рогоре интересы Республики, в качестве советника в баронстве Корг. Именно в Рогоре он встретил любимую жену – дочь одного из старейшин предгорных селений, формально зависимых от Корга, – и именно в Рогоре он ее потерял. Маму похитили вместе с сыном во время путешествия к ее родителям, торхи сумели перебить всю охрану. Небольшой отряд рогорцев и лехов преследовал хищников, но был вынужден оставить свой поиск в степи. Иногда торхи брали выкуп за пленников и честно их отпускали, но в тот раз степь промолчала...

– Кошмары мучают меня с самого детства, отец. А ты целых десять лет провел на границе Рогоры и степи, препоручив мое воспитание наставникам. В итоге я не знал ни матери, ни отца... Я не обвиняю тебя, я даже представить боюсь, как сильно ты ее любишь и какова боль твоей утраты. Никто не может себе этого представить... После ты мог выбрать жену из сотни девушек, но не сделал этого. Я горжусь тобой, честно, очень горжусь. И очень люблю тебя, правда. Но давай не будем об этом?

Отец лишь крепко сжал мое плечо, чуть привлекая к себе.

– Ты все же решил с ней объясниться.

– Да, сегодня. Я знаю, ты против...

– Я не против, сынок. Просто я боюсь, что у вас ничего не получится.

– Отец...

– Пойми ты, она из богатой и влиятельной семьи, к тому же красавица. Даже если Хелена поддастся чувствам, согласие на брак должны дать ее родители – те самые родители, что не считают нас равней.

– Но почему?! Мы тоже не бедняки!

Родитель лишь поморщился в ответ. То ли от моей несдержанности, то ли при упоминании о собственном достатке.

– Нет, не бедняки. Но не сравнимся с семьей Хелены! С их возможностями ее ждет судьба придворной дамы, а тебя... Тебя ожидает стезя или военного, или советника.

– Я не вернусь в Рогору!

– Ты воспротивишься воле короля?

Проклятье!.. Слишком много плохого связано с моей родиной, чтобы я желал отправиться в Рогору служить советником, но тут отец прав – воле короля не воспротивишься. Советники набираются из таких же родов, как и наш, – не очень влиятельных, не очень богатых, зато честных и преданных короне.

Вот только за честную службу редко воздают по достоинству: при дворе правят бал лизоблюды, интриганы, дорогие (и не очень) шлюхи дворянских кровей, сиречь фаворитки... Но и проживать жизнь честного служаки, которого ни во что не ставят, как-то не хочется. Уж лучше военная стезя: хотя сейчас и нет войн, но в недалеком будущем все возможно, а при удачном раскладе можно достичь определенных высот!

– Нет, противиться воле короля я не стану. Но и от Хелены не откажусь. Я люблю ее.

Чуть усмехнувшись, отец крепко сжал мне руку:

– Раз любишь, действуй. Но голову не теряй.

Несмотря на некоторую бедность рода, дворянское наше гнездо располагается всего в паре часов верховой езды от столицы. А в самой Варшане у нас имеется неплохой, парадный, так сказать, дом – с парой слуг, конюшней и моими самыми дорогими нарядами, которые только и можно надеть на прием к князю Разивиллу и последующий бал.

Вертясь у большого зеркала, словно юная пани (вот уж сравнение), я придиричливо расправляю новый камзол, после чего старательно нахлобучиваю шляпу с перьями – последнее веяние моды из самой Ванзеи¹⁴. Вроде неплохо. Очередной раз приложившись к бутылке сладкого молодого вина – некрепкое, чуть-чуть для храбрости – и закусив его соленым, терпким сыром, вновь верчусь перед зеркалом, словно в пируэте. Ну, кажется, сойдет.

– Халеб! Поднимай возницу, опаздывать к Разивиллам ни в коем случае нельзя!

Можно было бы верхом, но в столице нынче в моде кареты – наверное, потому, что самые знатные представители элиты разожрались столь страшно, что верховая езда стала для них непосильным испытанием. Бедные кони облегченно выдохнули...

Сбежав по лестнице вниз и выскочив в пустой двор, я словно ныряю в теплый, обволакивающий воздух вечерней Варшаны, пропитанный запахом многочисленных цветов, ароматами костров и томящегося на огне мяса... Район для... скажем так, среднего класса с претензией на зажиточность наполнен всевозможными тавернами, чистыми и достаточно респектабельными для шляхты¹⁵ средней руки (вроде меня), не самых бедных купцов и верхушки цеховых ремесленников. Поэтому запахи окороков, неторопливо коптящихся «по-горячему», румяной свинины, истекающей жиром на углях, скворчащих на сковородках колбасок буквально сбивают с ног. Находиться на пустой желудок здесь решительно невозможно.

Женская же половина населения успевает за последней модой, опять-таки ванзейской, в части разведения садов и цветников. Кто побогаче разбивает настоящие оранжереи с аромат-

¹⁴ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского: «Ванзея – самое западное государство срединных земель, примыкающее к Великому морю. Благодаря теплоте климату в Ванзее хорошо развито земледелие, что делает страну очень богатой. Ванзейские дворяне весьма задиристы, а власть короля не слишком прочна. В то же время ванзейцы по праву считаются законодателями мод, а ванзейское вино считается одним из самых лучших, а значит, и дорогих. Республика и Ванзея не имеют естественных границ, зато имеют общего, граничащего с обоими государствами соперника – княжества и герцогства фрязей, Лангазский торговый союз.

¹⁵ **Шляхта** – дворянское сословие в Республике.

ными и сочными «восточными яблоками», покрытыми толстой, золотисто-оранжевой кожей. По слухам, они помогают от многих болезней, да к тому же, смею судить, весьма приятны на вкус.

– Халеб!!!

Возничий мгновенно показался в воротах:

– Господин, все готово! Экипаж дожидается вас на проспекте!

Забравшись в открытый легкий тарантас, поудобнее усаживаюсь на заднем сиденье.

– Вперед!

– Через Королевский парк по Господарскому мосту?

– Успеем? Мне необходимо быть у Разивиллов через полтора часа!

– Будем через час!

– Ну, тогда по Господарскому, да с ветерком!

Тарантас мягко тронулся – качественная фряжская выделка – и не спеша покатил по узеньким улочкам Белого квартала, названного так по цвету стен, подчеркивающему довольно высокое положение его жителей. «С ветерком» будет чуть позже, на широких проспектах у Королевского парка.

Любуясь открытыми верандами таверн, во множестве украшенных домашними цветами, я невольно восторгаюсь Варшаной, жизнь в которой бьет ключом круглые сутки.

Раннее утро – время ремесленников, спешащих со всех концов города к рабочим местам. Шустрых, чумазных, еще свежих после сна и оттого жизнерадостных – по крайней мере складывается именно такое впечатление, когда заслышишь их остроумную и насмешливую перебранку.

День посвящен делам купеческим и обращениям дворян, направленным или городскому магистрату, или Совету господарей¹⁶, или даже самому королю. Но вечер – это время преображения деловой и где-то даже напыщенной, гордой Варшаны в веселую хохотушку и гуляку – такое приходит сравнение, коль бросишь взгляд по сторонам. Везде слышатся беззаботный смех, уже хмельные выкрики и песни, глаз радуют молодые варшанские панночки, чудо какие симпатичные. Иной раз бросишь взгляд даже на неблагородную молодую девушку в мешковатой поношенной одежде – а сердце вдруг сбивается с привычного ритма, когда видишь ласковую, приветливую улыбку, свежую и нежную, словно лепестки сирени, кожу, ниспадающие на лицо непослушные локоны... И с самого вечера горожане веселятся, смеются, поют, танцуют... уединяются в укромных уголках узких переулочков, где не пройдет случайный прохожий и куда не додумается идти искать счастья ночной тать.

Чем становится темнее, тем больше огней зажигается в городе, тем чаще слышны громкий смех, и разной мелодичности песни, и музыка на любой вкус. Уличные трубадуры и актеры дают представления на импровизированных сценах, восточные мастера укрощают огонь, превращая сие действо в изумительной красоты зрелище... Из жарких южных земель в наши патриархальные края в свое время переселились оживленные италийские маскарады¹⁷ – и теперь каждую ночь столица оглашается разнузданным весельем тех, чье лицо скрыто маской, людей, которых никто не узнает и не уличит в разгуле и разврате.

Я люблю это время Варшаны, сливающееся в единый, тянущийся до утра праздник, – даже несмотря на грабителей, нередко промышляющих на маскарадах, на тела загулявших парочек, порой всплывающих ниже по течению Влатвы... Но общую атмосферу праздника портит сермяжная правда, изреченная когда-то отцом:

¹⁶ **Совет господарей** – один из наиболее значимых органов администрации Республики. Выше Совета господарей лишь сейм и сам король.

¹⁷ **Италия** – самая южная из срединных земель, со всех сторон омываемая внутренним морем. Известна винами, одной из лучших школ парных клинков и дико разнузданными нравами как мужчин, так и женщин.

– Ради того чтобы эти столичные бездельники прожигали жизнь в бесконечном разврате и пьянстве, бедные республиканские кметы без всякого продыху горбятятся на уже прекратившей рожать земле!

И он, как всегда, прав. И фрязи, и ванзейцы, и руги, и прочие наши соседи, далекие и не очень, отмечают, что жизнь крестьян в Республике больше похожа на рабство – до того бесправны, забиты и голодны наши кметы...

Влажная свежесть, потянувшая от Королевского канала – самый широкий рукотворный канал в срединных землях¹⁸, не менее трехсот шагов! – отвлекает от грустных мыслей. Не хватало еще раскиснуть перед приемом. Наши с отцом кметы живут в достатке, а большего не изменить! Да и нечего признавать за родителем непогрешимость суждений, все ошибаются. Уж насчет Хелены он точно не прав!

Ускорившийся наконец Халеб вкупе с потрясающим видом Королевского парка снова подняли мне настроение. Центральный Варшанский парк – ухоженный кусок древнего леса с вековыми дубами, среди которых в свое время находили укрытие окрестные жители, не успевшие бежать в крепость во время набега торхов. Да, в былые времена закованная в броню конница степняков, многочисленная и дисциплинированная, не знала поражений в бою с витязями ругов и рыцарями лехов и доходила до самой столицы. Но времена меняются, империи кочевников распались, мы же, наоборот, стали сильнее – и лишь Королевский парк остался одним из немногих свидетелей бушующих в прошлом гроз.

Но с вымощенными аллеями, украшенный многочисленными цветниками, фонтанами, беседками, отгороженный от непрошенных гостей искусно выкованной оградой – теперь Вандубар стал любимым местом прогулок шляхты: молодых и не очень дворян и дворянок, единственных, кого допускают насладиться красотой Королевского парка.

Оставив возницу у самой ограды загородного поместья Разивиллов, я с некоторым трепетом в очередной раз одернул парадный камзол, поправил шляпу и плащ, пригладил перья и решительно прошел под литой аркой, увенчанной сражающимися драконами. Рука как-то сама собой стиснула рукоять легкой рапиры, но в то же мгновение отпрянула – не хватало еще показать, что я волнуюсь перед приемом у князя! Пусть он настоящий магнат, но мой род не менее славен и также уходит корнями в глубокую древность!

Пытаясь успокоить нахлынувшее, по большому счету естественное волнение, замедляю шаг и уже неспешно так, с некоторой ленцой иду по вымощенной широкой дороге к парадным воротам дворца Разивиллов. По обе стороны ее освещают десятки вставленных в специальные подставки факелов – что же, красиво, эффектно и даже романтично. Парк, украшающий поместье, немногим уступает Вандубару – и как же хочется уединиться с Хеленой в одной из его многочисленных беседок, как же хочется прилечь в его тени к полным, нетронутым еще поцелуем губам...

Сегодня же! Сегодня же, романтик ты беспробудный, объяснишься с ней на балу!

У самого входа во дворец – четыре просторных этажа со множеством залов и три декорированных угловых башни, парадное крыльцо с парой десятков широких полированных ступеней из гранита, – слуга, весьма представительно и даже богато одетый, склонился в учтивом, исполненном внутреннего достоинства поклоне (и это слуга?!) и жестом показал, куда идти.

¹⁸ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского: «Срединные земли – область известного нам мира, Окуйены, заселенная цивилизованными и просвещенными народами. На юге срединные земли граничат с внутренним морем и бескрайней степью (Великий ковыль), на востоке – с землями ругов, на юго-востоке – с Заурским султанатом, на западе – с Великим морем, на севере – с холодным морем, за которыми лежат также известные нам острова свегов и нурман – прославленных своей свирепостью мореходов и разбойников. Всего же в срединных землях насчитывается пять государств: Гиштания на юго-западе и Ванзея на западе, Италайя на юге, феоды (княжества и герцогства) фрязей, подконтрольных союзу Лангазы, – в центре и на севере срединных земель, и Республика на севере и востоке. Правда, руги также относят себя к народам срединных земель... Но кто же будет считать этих варваров за людей цивилизованных и просвещенных?»

Ну что же, каждого приглашенного, а их не менее сотни, действительно невозможно лично проводить в приемные покои.

Впрочем, заблудиться невозможно. Ноздри щекочет аромат роскошных, пожалуй что и никогда не еденных мною яств, а мелодичные звуки флейт, рогов, кифар, что ублажают неспешной величавой музыкой собравшихся гостей, задают мне направление.

Кажется, я вовремя.

– Уважаемые и глубоко любимые паны и пани! Князь Еремий Разивилл приглашает вас разделить с ним трапезу!

Слуги, стоящие в проходе огромного каминного зала, величественно распахнули высокие двустворчатые двери. Да, такие ворота не в каждой крепости есть, какие в каминной Разивиллов двери – как же все-таки они богаты!

Случайных людей среди приглашенных нет. Почтительные слуги помогают каждому занять свое место по плану, составленному самим князем. Мое оказывается ближе к концу стола – невелик мой род богатством и значимостью, однако и само по себе приглашение уже чего-то стоит. Но лишь удаление от хозяина дома есть единственная дискриминация по отношению к любому из приглашенных: ломящийся от всевозможных яств стол предполагает одинаковые кушанья что для хозяина дома, что для любого из гостей. И столовые приборы для всех без исключения отлиты из золота, с искусной инкрустацией и родовым вензелем Разивиллов.

Что особенно чудесно, Хелена с семьей сидят совсем недалеко от меня – напротив, немного ближе к середине стола, но все же я могу украдкой бросать на возлюбленную полные надежды и обожания взгляды. Хелена, невысокая, стройная девушка с большими раскосыми глазами цвета южного моря, с ниспадающими волнами по плечам золотистыми волосами и кожей, словно светящейся изнутри, – о, она была и есть мой идеал женской красоты! Каждый мой взгляд останавливается на полных вишневых губах, привычно изгибающихся в ответной ласковой улыбке, остановить свой взгляд на высокой груди мне уже не хватает наглости...

Хотя и подмывает нарушить оковы приличий!

Сегодня моя возлюбленная блистает в бархатном платье цвета сочной весенней травы, с золотой вставкой спереди. При неярком свете свечей она выглядит еще более загадочной и желанной, нежели при свете дня. Моя любимая, моя красавица, моя владычица леса... Впрочем, мне показалось, что Хелена смотрит на меня – в те краткие мгновения, что сводили наши глаза вместе, – чуть виновато и грустно. На секунду сердце как-то нехорошо кольнуло.

– Ну конечно, старый интриган Бергарский своего не упустит. Кто бы сомневался в его предприимчивости. И все же королевский заказ на закупку оружия...

– Дорогая, вы же знаете: такие заказы – золотое дно для подобных дельцов...

– Прошу прощения, что перебиваю, но, по имеющейся у меня конфиденциальной информации, к удалению графа от двора имеет некоторое отношение наш радушный хозяин, князь Разивилл.

– Не может быть!..

Вот ведь кумушки-наседки! Да уж, женщины во всей вселенной одинаковы, болтают так же – ну пусть чуть более изящно, – как торговки на базаре!

Заслышав в разговоре ближайших соседей – среди кумушек-болтушек затесалась пара вроде бы и обстоятельных на вид панов – имя графа Бергарского, я невольно отвлекся от неожиданных для себя переживаний. Очередные придворные интриги, казалось бы... Но они коснулись человека, чья личность вызывает у меня определенное уважение... Да пожалуй что и почитание.

Граф Бергарский не природный лех, наоборот, истинный фрязь, высокий голубоглазый блондин с неподвижным, надменным лицом. Про его ранние годы никто ничего доподлинно не знает, хотя бытует версия (вполне возможно, что и справедливая) о самом неблагородном происхождении. Как бы там ни было, начал будущий граф простым наемником-пикинером

в шестнадцать лет от роду, а в тридцать два дослужился до подполковника рейтар¹⁹. В начавшейся между лехами и торговым союзом Лангазы войне подполковник Эдрик из Бергара принял самое деятельное участие, причем изначально наемник профессионально выполнял свои обязанности за плату торговцев. Но в ходе Рискинской битвы²⁰ попал в плен с остатками своего полка и, поразмыслив, решил сменить хозяина.

Надо отметить, воевал Эдрик весьма неплохо, развил кипучую деятельность по воссозданию из военнопленных фрязей рейтарского полка. Командуя вновь созданной частью, новоиспеченный полковник задержал на несколько месяцев армию Лангазы у небольшой крепости Тарг²¹. Чего ему стоило держать в узде собственных бойцов и заставить их сражаться против соотечественников, казалось бы, в безвыходной ситуации, не знает никто. Но дисциплина в полку была железная, а выучка воинов просто отменная – иначе спешенные рейтары не смогли бы отбить девять штурмов!

Выиграв для Республики несколько месяцев, Эдрик автоматически стал живым героем и легендой войны, за что и получил титул барона вкупе с позолоченной шпагой из рук короля. А в заключительной Бороцкой битве²² удар крылатых гусар, ведомых Эдриком, принес Республике окончательную победу. И барон Эдрик из Бергара стал графом Бергарским.

¹⁹ **Рейтары** – латные всадники, сменившие рыцарскую кавалерию. Изначально новый род войск сформировался при торговом союзе Лангазы, что щедро платил бывалым кавалеристам, снабжая их также необходимым вооружением – в первую очередь палашом или тяжелой шпагой и кончаром (**Кончар** – длинный прямой, трехгранный или четырехгранный клинок, чрезвычайно прочный и обладающий потрясающим проникающим действием. Это колющее оружие было заимствовано у торгов и с успехом применялось против закованных в тяжелые латы всадников: кончар легко поражает уязвимые стыки самых прочных доспехов и вполне способен пробить средний доспех – кольчугу или единственную кирасу. Обычно применяется как парное оружие всадника вместе с палашом, саблей или шпагой, однако может использоваться и как самостоятельное оружие. Схватка с кончарами довольно близка к фехтованию на рапирах.), а также неизменной парой ручных самопалов. Рейтары потребовались купцам для прикрытия многочисленных торговых караванов, что нередко подвергались нападениям со стороны доживающего свой век фряжского рыцарства, переродившегося в свирепых разбойников. Новый вид кавалерии, хорошо подготовленной и дисциплинированной, закованной в облегченные латы и вооруженной огнестрельным оружием, оказался не по зубам архаичным рыцарям в тяжелых доспехах, все еще пытающимся выиграть битву одним лишь копейным ударом. Вскоре рейтары стали одним из самых популярных родов войск не только в феодах фрязей, но и во всей срединной земле. Рейтар часто путают с кирасирами – и из-за типа вооружения, и из-за однообразности доспехов. По первости отличие между ними сводилось лишь к происхождению всадников – в кирасиры зачастую шли разорившиеся дворяне, обеспечивающие себя вооружением и снаряжением хотя бы частично и оттого имевшие большее жалованье. В рейтары же мог попасть хоть самый подлый простолюдин – была бы выучка, а доспех, скакуна и оружие приобретет наниматель. Но вскоре появились разительные отличия в тактике: рейтары в большинстве своем предпочитают расстреливать своего противника с места, построившись в линию, состоящую из нескольких стройных шеренг. Наиболее эффективна такая тактика против пикинеров. Кирасиры же предпочитают, дав залп в упор, тут же врубиться в ряды противника, перед самой атакой сжимаясь в мощный ударный кулак.

²⁰ **Рискинская битва** – одно из наиболее удачных сражений лехов в последней войне с фряжами, состоявшееся у местечка Рискин. Польный гетман запада, ныне покойный Стефан Батурий, сумел незаметно подобраться к лагерю противника, пройдя непроходимыми до того Мазовскими болотами, и внезапно атаковал на рассвете с менее защищенной его стороны. Гетман, устремившийся в самую гущу схватки, героически погиб, но битву выиграл, разгромив одной удачной атакой целый корпус врага. Михал Подколзий, проводник из местных жителей, показавший гетману тайные гати, после сражения был возведен в баронское достоинство.

²¹ Перед самым началом осады Тарга – надо отметить, довольно сильной современной крепости – Эдрик Бергарский дерзким нападением пленил нескольких крупных деятелей из числа лангазских воротил, что неосмотрительно отбились от войска и имели при себе незначительную охрану. Обезображенные тела фрязей, точнее части тел, новоиспеченный комендант крепости – предшественник Эдрика намеревался сдать Тарг, за что и разделил участь купцов, – развесил по стенам, тем самым нанеся личное, и тяжелое, оскорбление Лангазе. Наемники союза были уверены в скорой победе, возможно, рассчитывали, что земляки вскоре выдадут своего командира или просто сдадутся, – и жестоко поплатились, за время осады потеряв под стенами крепости не менее пяти тысяч только убитыми. Секрет успеха Эдрика был прост: он установил жесткую дисциплину в гарнизоне – 1,5 тыс. воинов против 20 тыс. фрязей, умело планировал оборону, всегда имея резерв, что направлял в нужный момент на наиболее опасные участки. Порции питания были заранее рассчитаны и строго выдавались каждому воину в одинаковом количестве, не исключая самого коменданта, тела же погибших по приказу Эдрика сжигали в день смерти. Не последнюю роль сыграла выучка наемных рейтар, до абсурда преданных командиру: меткие стрелки, они раз за разом сбивали противника со стен, воодушевленно рубясь с атакующими так, словно сражались за личное дворянское достоинство. Впрочем, все уцелевшие были приняты в ряды королевских гусар, что равносильно вступлению в шляхетство, пусть и без возведения в баронское достоинство.

²² Бороцкая битва была именована «чудом» последней войны: разрозненная республиканская армия не представляла реальной силы в сражении с прекрасно обученным и организованным войском фрязей, где взаимодействие латной кавале-

Казалось бы, чего еще надо от жизни простому воину, с малых лет посвятившему себя походам и войнам? Однако становиться цепным псом короля и доблестным защитником короны новоиспеченный граф не пожелал, явив миру еще один талант – умение плести кружево искусной интриги. Причем в самом начале он столь убедительно разыгрывал роль недалекого солдафона, что никто из противников не воспринимал графа всерьез. А зря... Убирая одного за другим оппонентов с шахматной доски, Бергарский максимально приблизился к королю – и титулу герцога. Однако неожиданно глупо проворовался на закупках новых пушек у ругов, что вообще-то многим показалось просто нелепым. Но когда в игре принимают участие такие силы, как тот же Бергарский – с одной стороны и род Разивиллов с союзниками – с другой, собственное мнение стоит благоразумно держать глубоко в недрах организма...

Внезапно все разговоры стихли – словно порыв ветра потушил огонь лучины. Величественно и неспешно встав, князь Разивилл поднял золотой, инкрустированный самоцветами кубок и четко, властно произнес:

– Слава Республике!

– Виват!!!

Рев с полсотни мужских глоток, растворивший в себе мелодичные женские приветствия, сотряс зал. Разом осушив свой бокал с янтарной медовухой – Разивиллы старательно поддерживают свою репутацию блюстителей традиций, а в Республике медовуха всегда была самым популярным напитком, – я одновременно со всеми припал к столу.

И как же это есть? И что же есть?!

В первые секунды, внимательно присмотревшись к окружающей меня еде, я испытал легкую оторопь, а в глубине души зашевелился мерзкий червячок страха: что, если окружающие сочтут меня таким деревенским невежей, неспособным вести себя за столом знати? Как тогда подходить к Хелене, как вести разговор с ее родителями?

Цельные тушки голубей, запеченные в медовом соусе, копченый угорь с фаршем из грибов, прожаренные с орехами мозги, плесневый сыр – опять-таки ванзейская мода, чтоб ее!.. Лихорадочно раздумывая, что взять-то, выигрываю несколько секунд, наполнив кубок медовухой. И облегченно выдыхаю, заметив, что сосед через одного справа нарезает себе толстый шмат кровавого окорока, а совсем рядом с ним мирно покоится запеченный до хрустящей корочки гусь, приправленный специями и травами. По-простецки придвинув к себе блюдо и оторвав голень с бедром, я от пережитых волнений яростно вгрызаюсь в сочное, ароматное мясо.

Ничего себе гусек! Как же вкусно...

Запив угощение большим глотком сладкой медовухи, блаженно откидываюсь на спинку стула. Вроде бы никаких особых политесов за столом не соблюдается, едят гости весьма незамысловато, со знаменитым лехским размахом.

рии, плотного строя пехоты и артиллерии было доведено до совершенства. Лехи противнику уступали и численно: 14 тыс. гусар, дворянских хоругвей и ополчения против 19 тыс. наемников. Начали битву фрязи, и довольно успешно: артиллерия выбила первые ряды пехоты лехов, заставила их смешаться и отступить. В атаку неспешным маршем двинулись пикинеры под прикрытием аркебузуров (**Аркебузуры** (гиштанские и фрязские), мушкетеры (ванзейские), стрельцы (лехские, ругские, рогорские) – один и тот же род войск, вооруженный огнестрелами, просто в разных государствах они называются по-разному. Фактически представляет собой строй пехоты из трех-четырех шеренг, что поочередно открывает огонь по врагу.), и казалось, удар монолитного строя ошестинившейся пиками фаланги невозможно остановить. Однако Эдрик Бергарский, новоиспеченный герой Республики, лично возглавил атаку крылатых гусар. Всего три тысячи кавалеристов разрядили самопалы в упор по строю пикинеров, выбив первый их ряд на узком участке атаки, и мгновенно сгруппировавшись в глубокий клин, протаранили копейным, «рыцарским» ударом дрогнувших пехотинцев Лангазы. Эдрик нанес свой удар ровно напротив ставки командования противника. Последние тут же ввели в бой кирасир, но разогнавшиеся гусары, поймавшие кураж и ведомые живой легендой войны, атаковали столь стремительно, что не дали противнику как следует проредить их ряды залпом самопалов. А при таранном ударе конницы пика дает значительно большее преимущество, нежели палаш... В итоге часть ставки Лангазы успела бежать, часть попала в плен, а наемники, лишившиеся руководства и предводителей, смешались и прекратили атаку, выслав выборных парламентариев к королю. Последний милостиво разрешил им убираться на все четыре стороны.

За столом мы провели не меньше часа. Гуся сменил добрый кусок свиной шеи (молочный поросенок был целиком запечен на вертеле), затем в дело пошли нежнейшие каплуны, затем и крохотные голуби... В какой-то момент мне показалось, что я сейчас лопну – и это не метафора, а, увы, горькая проза жизни. Тем не менее соседи-мужчины нисколько от меня не отставали, а скорее даже давали фору – ну, их-то приглашают на подобные приемы не в пример чаще, есть уже и закалка, и опыт.

– Ясновельможные паны и пани! – Величественный слуга, до того встречавший гостей у ворот, вышел на середину зала. – Оставьте утехы живота и насладитесь той отрадой, в которой никто не сможет превзойти доброго леха!

Ну конечно, танцы. Ведь это же бал, господа... И вновь тон задают хозяева дома. Высокий, холеный князь Разивилл, по каким-то одному ему известным причинам предпочитающий одеваться в черное (повод для траура, в том числе долголетнего, вроде бы отсутствует), вывел на середину зала супругу – не уступающую князю ростом, статную, дородную женщину, сохранившую следы еще девичьей свежести на лице. Под неспешную, давно уже устаревшую, но считающуюся традиционной мелодию они начинают двигаться – надо отметить, довольно плавно и даже красиво.

Отдав должное традициям, князь неспешным взмахом останавливает музыкантов и поворачивается к гостям с безупречной улыбкой светского льва:

– Дорогие гости, насладитесь же музыкой и гостеприимством нашего дома! Бал, паны!

Ну наконец-то! Алкогольные пары неудержимо бьют в голову, подталкивая к решительным действиям, а добротная сытость давно стерла всякие предчувствия. Как говорится, цель вижу.

Несмотря на выпитое, походка у меня плавная, шаг твердый, и вообще я неотразим. Ох, пани Хелена, быть вам мое...

Всего на пару секунд меня опережает какой-то разодетый молодой хлыщ, подошедший к моей возлюбленной с этакой властной ухмылочкой уверенного в себе гордеца:

– Пани Хелена, позвольте вас пригласить?

Глаза любимой девушки на мгновение встречают мой взгляд. Ну конечно, она видит меня и знает, что я ее приглашу, а значит, откажет хлыщу. Если же он не поймет и попытается ее домогаться, то я уж ему...

– Позволяю, ясновельможный пан.

– Пани?!

Мое состояние вряд ли можно охарактеризовать безобидным «удивлен», скорее тут более уместен лексикон отъявленных кавалеристов. Что происходит?

– Пан, разве вы не знаете, что нелюбезно отвлекать девушку в танце с кавалером?

Хлыщ предельно вежлив и даже в голос особой издевки не добавляет, но вот глаза... Однако принимая правила игры, я не менее вежливо, не добавив ни капли разгоревшегося в душе гнева, парирую:

– Позвольте, пан. Приглашенная вами на танец пани обещала его мне – как самый первый на этом балу. Я был удивлен, – тут уж бросаю вопрошающий взгляд на Хелену, – что пани забыла об обещании.

– Пан Януш, позвольте мне самой объясниться с молодым человеком, видимо неправильно понявшим мои слова?

– Конечно, пани, конечно... Но если он позволит себе обидеть вас неосторожным словом, то я уже не смогу вести себя подобно кроткому ягненку.

Мерзавец! Схватившись под насмешливым взглядом хлыща за рукоять рапиры, я уже открыл рот, чтобы потребовать сатисфакции...

– Пан Аджей!

Голос Хелены заставил меня на секунду отвлечься.

– Пан Аджей, ведь вы со мной хотели говорить, верно?

– Да, милостивая пани.

Как-то обмякнув внутри, я последовал за Хеленой к противоположной стороне зала.

– Пан Аджей, вы хоть знаете, кого чуть не вызвали на дуэль?

Лицо моей возлюбленной выражает нешуточную тревогу, и это радует.

– Да хоть бы кто, я не намер...

– Это Януш Разивилл, единственный сын и наследник хозяина дома.

Внутри все будто оборвалось. Разивилл! Теперь мне понятна его гордая насмешка... Естественно, я не знал его в лицо – сын магната вряд ли мог когда-то оказаться в компании шляхтичей средней руки. Бороться с их родом – все равно что пытаться прошибить крепостную стену собственным лбом. Но, с другой стороны, я ведь тоже шляхтич! И что бы он там себе ни думал – Хелена моя невеста!

– Хелена, дорогая... Я хотел бы объяснить с вами иначе, но, видимо, судьба назначила именно это мгновение. Так послушайте: я вас...

Девушка прервала мою речь прикосновением нежных, бархатных пальчиков к моим губам. И в ее взгляде читалось столько ласковой печали, что мое сердце забилося в груди, будто впервые очутившаяся в неволе птица...

– Не надо, Аджей, не надо. Я знаю о ваших чувствах и, что уж отрицать, испытываю к вам некоторую сердечную симпатию. Но она не простирается до той степени, чтобы стать женой советника в каком-то заштатном рогорском баронстве.

– Я не понимаю, о чем речь...

– Я знаю. Но все уже решено. На днях пришло известие о скоропостижной смерти баронета Этира. Он был направлен туда по протекции графа Бергарского, но... скажем так, пусть и непонятно, с какой целью граф направил баронета в Рогору, зато доподлинно известно, что скончался баронет от разрыва сердца... в компании падших женщин. Какая пошлость... Король поручил выбрать нового советника князю Разивиллу, его выбор остановился на вас...

– Но это же подлость! Они меня просто убрали!

– Отнюдь. Выбор был продиктован самыми логичными рассуждениями – ваш отец долгое время служил в Рогоре, ваша мать родом оттуда же. Вы сойдете за своего и наверняка сумеете разобраться в местных реалиях. Кроме того, для молодого дворянина вашего рода такое назначение честь, а не ссылка.

– Вашего рода... – Презрительная усмешка исказила мои губы.

В глазах Хелены сверкнула злая молния.

– Не смейте. Иначе я не смогу сохранить о вас даже светлой памяти. Не забывайте, что я дворянка и не совсем вольна в выборе сердца. Против воли родителей я не пойду.

Взяв секундную паузу, девушка продолжила с каким-то цепляющим за живое снисхождением:

– Неужели, Аджей, вам непонятно, что род князей Разивиллов невозможно сравнить с родом баронов Руга, и наш союз будет выгоден обоим семьям...

– Хелена... Но ты же сказала о сердечной симпатии. Так бежим отсюда! В солнечную Ванзею, где море, где гораздо более роскошные балы, где...

– Довольно! Пани Хелена, что этот наглец себе позволяет?!

Пылающий праведным негодованием Януш замер в трех шагах от нас, прервав мою жаркую мольбу. Но ведь общий смысл она поняла?!

– Януш, не переживайте, это всего лишь друг детства, что пытается закончить старый спор. Аджей, что касается того юноши и дочери купца, я неотступно буду утверждать: каждый сверчок знай свой шесток. А теперь позвольте, пан, меня пригласили на танец. Вам я ничего не обещала, вы, видимо, поняли меня превратно.

В голове били огромные кузнечные молоты. Она же мне все объяснила... Да плевать, у меня есть и шляхетская гордость, и честь дома Руга. Сейчас отвешу ему пощечину, а лучше – крепко вмажу, да так, чтобы этот инфантильный хлыщ отлетел, и пусть попробует не вызвать меня на дуэль. А там уж я сам выберу оружие – и это будут сабли!

– Пан Аджей?

Вперив гневный взгляд в спины удаляющейся парочки, я не заметил, как ко мне подошел давешний слуга-распорядитель в сопровождении еще трех дюжих слуг.

– Ясновельможный пан, простите, но вы выпили слишком много и ведете себя неподобающе, чем вызвали неудовольствие князя. Удалитесь сами, без скандала. – И прежде чем я успел хоть что-то сказать, слуга, склонившись ближе, тихо добавил: – Отступитесь, пан, мой вам совет. Что бы вы ни задумали, сделать вам этого не позволят. Но если попытаетесь, будете отсюда выброшены в буквальном смысле слова, тем самым навлечете позор на весь свой род. Будьте благоразумны, пан, в таких ситуациях окончательный выбор всегда за женщиной.

Да будьте вы прокляты, Раззивиллы! Предательница... Ты предательница, Хелена... Как же прав был отец, как же прав...

Глава 2

Лето 136 г. от провозглашения Республики Каменный предел

Аджей Руга

За предшествующий день пути никто не потревожил нашего спокойствия, хотя вооружившаяся до зубов охрана каравана словно каждое мгновение ожидает дерзкой засады. Ну что же, горцы в свое время заработали себе столь солидную репутацию²³, что и теперь, миновав крепость Волчьи Врата²⁴ и ступив на горную дорогу, даже опытные караванщики ожидают беды. Впрочем, опытные ли? Вон, эскадрон рогорцев из баронства Корг, сопровождающий груз огнестрелов, три десятка так называемой степной стражи ведут себя вполне спокойно и даже, можно сказать, беспечно.

Видимо, последнее я произнес вслух, поскольку Риклад, мой невольный спутник, десятник караванной охраны, когда-то знавший отца еще по рогорским делам, живо откликнулся:

– Рогорцы местные, у них с детьми гор общие предки, да и сейчас они нередко роднятся. Не удивлюсь, если они заключили какое-то свое соглашение, о котором мы просто не знаем. Но скажу вам так: нападения горцев случаются, они весьма искусно снимают часовых, и если имеют в этом успех, то горе каравану – вырежут подчистую...

Невольно поправив притороченные к седлу кобуры с ручными самопалами, обращаюсь к Рикладу:

– Неужели разбойников за все прошедшие годы не смогли усмирить?

– О, молодой пан, пытались, и не раз! Когда подавляли восстание Эрика Мясника, решили прошерстить горы – чего уж время и силы зря терять, все равно ведь проблема обозначена. Пару селений действительно удалось взять с ходу и довольно легко, ведь у кланов нет и не было ни огнестрелов, ни самопалов.

– А дальше?

– А дальше начались сложности. Прошли еще несколько перевалов, обнаружили три селения – все заброшены, причем и харчами не разживешься, и колодцы оказались отравлены. В самых же узких частях перевалов наши отряды поджидали засады...

Вот поднимаешься ты себе в гору по камням да на жаре, материшь сквозь зубы командиров, доспех, естественно, в обозе – куда тут в желе-то рыпаться? – и тут вдруг сверху и сбоку летят в тебя здоровенные валуны. Положим, судьба была к тебе великодушна, и никакой валун тебя не зашиб, и камешек в затылок не прилетел. Но ведь в скалах вдобавок прячется десятков пять лучников да столько же мечников... И начинается резня.

Конечно, сдав брони, наши оружие держали при себе – не совсем дураки, но тут такое дело: вблизи меткий лучник отправит в тебя с пяток стрел на один твой выстрел из само-

²³ Выдержка из географического сборника путешественника и писателя Конрада Мазовского: «Дети гор, населяющие горный хребет, именуемый также Каменным пределом, прославились диким разбоем, совершаемым как против лехов, так и против рогорцев. Долгое время рев свирепых воинов, могучих настолько, что каждый из них сражался двуручным мечом или обоюдоострой секирой, повергал в ужас самых храбрых противников. Чрезвычайно высокие белокожие и рыжие горцы считают себя потомками степного народа, что когда-то был вынужден отступить в Каменный предел под натиском пченгов (далеких предшественников торхов). Однако их внешность совершенно не соответствует облику привычных нам степняков; в детях гор гораздо легче найти сходство с рогорцами или лехами, а потому в Рогоре многие предполагают их родство именно с собственным народом. Впрочем, раздразни среди горных родов и кланов с вековой историей кровной мести говорит все же в пользу того, что в жилах воинов, обитающих в Каменном пределе, течет и степная кровь».

²⁴ Выдержка из работы Некара, придворного летописца барона Корга (глава 3): «Замок Волчьи Врата был построен с северной, лехской стороны Каменного предела. Волчьими Вратами укрепление было названо, поскольку торхи, часто называющие себя степными волками, нередко совершали набеги на земли королевства, пройдя через горы. Замок, в дальнейшем расстроившийся в мощную, неприступную твердыню, навсегда перекрыл кочевникам сей путь для набега».

пала, и без доспеха стрела тебя обязательно поразит. А там, хорошенько проредив твой отряд и не дав построиться, наваливаются мечники. И вот такая штука – какой бы ни была тяжелой шпага, она уступит излюбленному горцем двуручнику. В толчее скоротечной схватки не нафехтуешься: это рубка и в ней оружие горцев куда как сподручней... Ну вот, нападет на тысячный отряд с сотню горцев, человек сто пятьдесят постреляют, порубят, да еще полсотни тех, кто неосторожно попытается преследовать, – и бегут обратно в горы. Твоя тысяча в узком проходе не развернется, схватку будут вести только те, кого атаковали, да ближайшие соседи.

– Дела...

– А ты думал! Ну так вот, порубят дети гор наших разков пять-шесть, и уже как-то не хочется выше лезть. Они же кланами живут, обычно каждый наособицу, еще и враждуют. Но все междусобойчики разом смолкают, когда в их земли вторгается враг. Так и тогда, пока мелкие отряды клевали наступавшие войска, основная масса горцев прошла какими-то хитрыми пещерами – тут целые системы, и даже пещерные поселения имеются – и ударила ночью по обозам. Охрану всю вырезали, порох сожгли, снедь, какую смогли утащить, – утащили, какую попортили. И начал коронный отряд спешно из гор выбираться, по сути – бежать. Но тут уж засады случались так вообще на каждом шагу... И в итоге из трех тысяч фряжских наемников и шляхтичей уцелело человек четыреста.

– А в старину?

– А что в старину?

– Ну когда наши не полагались на огнестрелы и не снимали с себя броню?

– Эх, да мы здесь всего последние лет триста присутствуем, друг мой!

– Но столкновения случались и до того?

– Случались. Но в прежние времена горцы сражались плотным строем, ошетинившись лесом пик. В те времена они не караваны грабили на здешнем тракте, они разоряли долины по обе стороны Каменного предела...

Риклад помрачнел – не к добру наш разговор о диких горцах, когда мы находимся в самом центре их владений, – но тут же черты его лица разгладились.

– Приготовьтесь насладиться видом, пан, сейчас перед вами предстанет Сердце гор!

Узкий, всего шагов триста, петляющий среди скал проход вдруг сделал очередной поворот – и в лицо словно ударило волной свежего прохладного воздуха, насыщенного влагой и наполненного ароматами свежей травы, горных цветов и хвои. Сердце мое учащенно забилося, едва я успел бросить взгляд на открывшуюся передо мной красоту.

Большая, верст пять в диаметре, идеально круглой формы долина имеет изумрудный цвет – до того насыщенно-зеленая трава здесь произрастает. Справа долину пересекает река, что низвергается со скал огромным водопадом в чашу озера, окаймленную камнем, и уже из него бежит по долине. Горы у подножия покрыты густым хвойным лесом, а скальные их снежные вершины прячутся в сизом мареве, придавая и без того ослепительному зрелищу некую сказочность.

– Вот оно, Сердце гор!

Спутник взирает на открывшуюся долину так, словно успешный владелец лена.

– Может, сделаем привал?

– Естественно! Или забыл, как рано темнеет в горах? Любимое место остановки караванов – Великанова чаша. Там и заночуем.

– А не бывало так, что горцы атаковали караван у этого самого излюбленного места?

– Нет. Раньше Сердце гор было местом сбора Совета старейшин, каждое племя, каждый род присылал сюда свою делегацию. А чтобы исключить возможные осложнения, был введен строгий запрет на ношение оружия. Эта славная традиция и сейчас живет в Каменном пределе.

– Ну да. А может, свою роль играет открытое пространство? Все-таки незаметно к каравану не подойдешь.

– Ночью, в собачью вахту, где-то между четырьмя и пятью, часовые нередко теряют бдительность. И тут уже открытость площадки вокруг не играет никакой роли.

Мы неплохо отдохнули, я даже сумел пару раз окунуться в прохладное озерцо, вода которого стекает сюда с самих ледников. Рогорцы наловили рыбки, мы запекли ее на углях, а к ней прибавились и окорок, и свежий сыр, и гренки из обжаренного на костре хлеба.

А дальше пришел ночной час, а я все не мог заснуть. Казалось бы, вот начинаются родные края, моя родина. Но мне здесь все чужое, все – и небо над головой, и рокот водопада, и запах, и даже звезды...

– Ты знал?!

– О чем?

– О моем назначении советником в Корг?

– Нет, не знал.

Отец мне не солгал. Он никогда не лжет.

– Значит, предполагал?

– Жизнь – лучший и самый дотошный учитель, сынок. Иногда мне достаточно пары слов, оброненных, казалось бы, без всякой конкретики.

– А что твой жизненный опыт подсказал тебе про Хелену?

Отец внимательно посмотрел мне в глаза:

– Мой опыт подсказал мне, что лучше быть одному, чем с человеком, способным на предательство.

– Именно поэтому ты...

– Я на предательство не способен. Это касается и короля, и Республики, и... твоей матери.

– Отец... – Горло на секунду сжало, словно обручем. – Если я смогу, я обязательно...

– Не надо. Служи советником и помогай барону Коргу по мере сил – рогорцам нужна помощь со степняками, а от советника здесь многое зависит. Например, возможность закупки новых огнестрелов, наем свободных всадников, да мало ли... Что же касается поисков ее – я бы не вернулся, если бы оставался хотя бы один шанс... Хотя бы один.

– Я знаю, отец. Знаю...

Лето 758 г. от основания Белой Киш

Лецек, стольный град баронства Корг

Барон Когорд

– Ларг, что там с новым советником?

– Он уже в пути, мой господин.

– Молодой барон Руга?

– Да, мой господин.

Улыбка невольно тронула мои губы.

– Великолепно. И послушай, старина, прекрати уже тянуться, мы ведь с тобой в одной упряжке не первый год.

Старый товарищ лишь бледно усмехнулся.

– Ты так уверен, что мальчишка не доставит проблем?

– А какие проблемы нам может доставить молодой щенок, да к тому же рогорец? Как-никак память крови.

– Он лех. Я ничего не знаю про память крови, зато знаю, что в первую очередь ребенок вырастает тем, кем его воспитали, а не тем, кем родился.

– И все же его отец очень многое сделал как для Корга, так и для борьбы со степью. К тому же его мать пропала во время набега торхов, такое просто так не забывается... Нет, он неопасен нашим планам, скорее, наоборот, полезен.

– А потом?

– А потом мы откроем ему правду о происхождении. Ведь я был вместе с бароном Руга в том преследовании, ведь это я нашел тогда потерявшего сознание мальчика... Дальше пускай сам делает выбор. Но мне почему-то кажется, что мальчишка послужит своей настоящей родине.

Лето 136 г. от провозглашения Республики Рогора. Окрестности замка Львиные Врата

Аджей Руга

На третий день мы наконец-то миновали единственный проход в Каменном пределе, оставив позади Львиные Врата, крепость-близнец Волчьих Врат. На меня произвели впечатление толстенные стены, укрепленные современными бастионами, и могучий гарнизон в четыре тысячи воинов, вооруженный многочисленными орудиями и огнестрелами. Крепость держит под огнем начало прохода в горах и надежно защищает Республику как от вторжения кочевников, так и от возможного бунта рогорцев. Впрочем, даже Эрик Мясник не смог миновать Львиных Врат, угробив под стенами половину своих бунтовщиков, а набеги торхов уже последние лет сто пятьдесят не достигали Каменного предела. Так что, как я догадываюсь, гарнизон несет службу не с самым великим рвением, а офицерские должности в крепости наверняка считаются в армии ссыльными. Но все же в случае нападения местных гарнизон совершенно точно сумеет отбиться от противника – это вам не ошестинившееся тяжелыми орудиями и мортирами наемное войско Лангазы.

Наши с караваном пути разошлись: торговцы потянули свой доходный груз в Скард, я же направился в Корг вместе с бойцами степной стражи и парой возов, доверху набитых ругскими самопалами и огнестрелами.

Надо отметить, что бойцы степной стражи поначалу показались мне какими-то нищими оборванцами в шароварах да холщовых рубахах: без доспехов – одни лишь стальные наручи, без полноценного оружия – только сабли да притороченные к седлам колчаны со стрелами и саадаки – чехлы с луками.

Но постепенно это отношение претерпело изменение. К примеру, уже в первый день пути я отметил, что рогорцы в своих простецких деревянных седлах держатся верхом значительно более умело и увереннее, чем я, а их неказистые лошади без поводьев слушаются наездников, повинаясь лишь легкому прикосновению их ступней. Когда же самые молодые бойцы из стражи решили потешиться да поупражняться с саблями, я увидел довольно высокое мастерство, немногим уступающее искусству отца и всяко превосходящее мое. Наконец, во время скоротечной охоты на третий день воины барона Корга добыли стрелами столько птицы, что нам не пришлось даже использовать свои запасы. Есть пища для размышлений, есть...

Пока мы следовали вместе с караваном, я не очень-то общался с рогорцами, соответственно как и они со мной. Но нам оставалось провести еще семь дней в пути, так что держаться особняком и далее я счел неуместным.

– Ируг!

Ируг – десятник баронской дружины, вот уже несколько лет служит в крепости Степного Волка. На данный момент он является командиром эскадрона, так что вся ответственность за доставку ценного груза лежит на его плечах.

Нет, какие-то крохи информации о своих спутниках я все же узнал за время коротких и непродолжительных разговоров в предыдущие дни. Но теперь стоит познакомиться поближе.

– Господин советник?

Десятник исполнен учтивости и почтения. А ведь кто-то считает рогорцев чуть ли не дикарями...

– Можно просто Аджей. Скажи мне, а все-таки почему вы покупаете именно ругское оружие? В вас говорит память крови?

Глаза собеседника чуть потеплели, когда я предложил общаться без чинов, и он ответил вполне дружелюбно:

– Лехи нам тоже родственны. Разве вы не слышали легенду про трех братьев-основателей? Лех, Руг, Рогор. Три родных брата, в свое время выбравших разные пути. Да, давненько это было, раз не все народы хранят даже память о них...

Ругнувшись про себя, я решил все-таки уточнить:

– Вы правы. Но все-таки почему же ругские самопалы, а не наши?

– Да все просто: оружейные изделия лехов дороже стоят. При этом ремесленники из гильдий стараются выдавить соперников с рынка, через Совет господарей продавливают новые пошлины на торговлю ругов и фрязей. Но тут такое дело... они еще не догадались обложить дополнительными пошлинами нашу с ругами торговлю – слишком маленькие обороты, если вдуматься. А братки по крови – раз уж лехи про родство совсем забыли, то и не будем вас упоминать, – вынуждены уступать самопалы и огнестрелы по сговорной цене. Так и живем... Кстати, по качеству их изделия не уступают лехским, а в чем-то даже и превосходят, что также немаловажно!

– И в чем же превосходство?

– Да хотя бы в отделке.

Мой собеседник усмехнулся и потянул из притороченной слева кобуры здоровенный самопал (Ируг единственный в эскадроне, кто имеет «рейтарскую» пару). Надо сказать, что явленное миру оружие выглядит весьма... красиво – все в резных насечках, с тонким ложем, какое-то даже изящное, что ли. При этом наличие сразу двух стволов и колесцового замка²⁵ говорит о стоимости и качестве образца.

Но, чтобы не ударить в грязь лицом, я счел возможным сделать замечание:

– Но разве самопалы с кремневым замком не проще и надежней?

– Вот как раз нет, у колесцового не бывает осечек.

– А если потеряешь заводной ключ?

Мой собеседник понимающе усмехнулся, услышав это замечание, – ну конечно, у меня-то самопалы без изысков, кремневые.

– Неумеха не справится и с фитильным огнестрелом. Конечно, – он любовно провел ладонью по оружию и легким движением бросил его в кобуру, – такие самопалы слишком дорогие, чтобы покупать их даже для лучших бойцов. Это, – он снова хлопнул себя по кобуре, – привилегия для командиров из дружины. Практически все самопалы, что мы везем, кремневого типа. Но, заметь, купить подобное оружие нам хватает денег только у ругов. Лехские гильдийцы продают их в два раза дороже, чем конкуренты – колесцовые. А ругские кремневые огнестрелы стоят столько же, сколько лехские фитильные.

²⁵ Огнестрельное оружие по типу замков (механизма воспламенения пороха) делится на три типа: фитильное, колесцовое и кремневое. Самые дешевые, простые, но одновременно и непрактичные стволы – фитильные. При нажатии на спусковой крючок тлеющий фитиль, отведенный в сторону, соприкасается с порохом, воспламеняя его. Таким образом, стрелок обязан постоянно поддерживать фитиль в тлеющем состоянии, что если и возможно для пешца, то никак не подходит всаднику. Вторым типом замка, изобретенным умельцами Итальяи, является колесцовый. Механизм замка заводной, оттого весьма сложен и дорог в производстве, но одновременно с этим никогда не дает осечек. Чаще колесцовые замки ставят на ручные самопалы, но достаются они, как правило, самым знатным и известным воинам. Оптимальным по цене, дороговизне производства и качеству является кремневый замок, который и используется на производимом в Республике и у ругов огнестрельном оружии. При нажатии на спусковой крючок замок высекает из кремня искру, воспламеняющую порох. Но в отличие от колесцовых замков кремневые нередко дают осечку.

Вот это да! Проклятье, в следующий раз представлюсь рогорцем и пойду к ругам!

– Неплохо. И многих вы уже успели вооружить?

Собеседник ответил несколько уклончиво:

– Я не могу назвать вам точное число. Но, безусловно, огнестрельного оружия у нас не слишком много.

Какое-то время мы едем бок о бок, при этом в воздухе повисла неловкая пауза. Первым решил нарушить молчание я:

– Тяжело с кочевниками-то? Часто сейчас торхи в набег ходят?

Ируг довольно улыбнулся – видимо, молчание было неприятно и ему:

– Пытаются время от времени, но в Корг практически не суются.

– Всему виной вы, степная стража?

– И не только. За крепостями располагаются укрепленные поселения вольных пашцев, и они знают, за какой конец сабли браться – многие уже отслужили в страже. Оружия у них не так чтобы в достатке, но пик, сабель и луков со стрелами хватает. Торхи пока еще не взяли ни одного поселения: даже если крупные отряды прорывались через кордоны, помощь из ближней крепости всегда поспевает вовремя.

– Кордоны?

– Ну так ведь степная стража представлена не только крепостями. Что там их, четыре штуки всего – много ли труда и смекалки, чтобы обойти? Нет, между крепостями протянулись небольшие остроги, с гарнизоном в тридцать человек, то бишь на один эскадрон. Укрепления, конечно, не сравнить с крепостными: неширокий ровик – аккуратно всадника затормозить, частокол по квадрату на невысоком валу, а с противоположной от ворот стороны крепостцы – угловая казарма и конюшня. Во дворе кузница и колодец, в дальнем углу смотровая башня, а рядом с ней сруб под сигнальный костер. Крыши у казарм и конюшни крепкие, сверху проложены специальные площадки, чтобы стену можно было оборонять.

– И что, три десятка орду затормозят?

– Эх, барон, не суди скоро! Орду они, конечно, не остановят, только и задачи у застав другие. Во-первых, они позволяют подать по линии сигнал тревоги – острог-то с ходу всяко не возьмешь – в ближайшую крепость, откуда уже пойдет на перехват дежурная сотня, а то и две, и все три, если потребуется. Во-вторых, такие крепостцы служат надежным пристанищем дозорам, высылаемым в степь, – в случае чего всегда можно найти спасение в укреплении. Ведь в дозоре десяток бойцов плюс три в остроге. У одного десятка в заставе целиком и у каждого командира имеются самопалы, так что отбиваются наши, даже если больше сотни степняков налетит. Есть примеры. И наконец, в-третьих: эскадрона стражи вполне достаточно, чтобы разбить иной отряд торхов. Однажды сотню кочевников побили!

Я лишь удивленно и недоверчиво – насколько это возможно, чтобы не обидеть, – присвистнул. Однако десятник смотрит честно и выглядит несколько даже недовольным моим недоверием.

– Говорю серьезно, врать не приучен. Было. Тогда как раз из Барса бойцы дежурили. Так вот, однажды они засекли отряд степняков, углубляющийся в уже обжитые земли. А там как раз шло строительство очередного поселения, и укрепления еще не были готовы. Так десятник дымный сигнал подал, а сам всех людей вывел – и вдогонку за торхами.

Нагнали на удивление быстро, но степняков не меньше сотни. Что делать? Командир решил брать хитростью: отправил вслед торхам один лишь десяток – вроде как дозор. Кочевники преследование обнаружили, наших посчитали – и давай в погоню. Стражи, не будь дураки, назад. Немножко проскакали, а там уже и рошица небольшая; степь вокруг ровная как стол, только эта рошица и есть. Ну, наш дозор-то рошу галопом обошел, а торхи следом, не отстают. Но только они деревья обогнули, как им в бок залп сразу из двух десятков стрел –

оставшаяся застава за рощицей-то притаилась, да так, чтобы не было видно с поля, – и тут же в сабли!

А первый отряд на ходу коней развернул и два залпа в упор из самопалов – с другого боку и спереди по отряду торхов, – и тоже в сабли, да с разгона.

– Значит, бились, как рейтары?

– Ну да, стараемся, чтобы у хороших стрелков была «рейтарская» пара самопалов для ближней схватки.

– Умно. И что, всех побили? И сколько ваших уцелело?

– Побили большую часть, а кто остался, тот утек в большом страхе. Наших же в сече уцелело семеро, да все поранены... Но остановили же врага! А между тем не каждый торхский ханчик или бек имеет под рукой даже сотню воинов, чтобы разом в набег бросить.

– Вот как... Значит, кордон представлен крепостями, острогами и разъездами?

– Правильно понял, Аджей. Крепость – это и гарнизон, и основная сила участка оборонительной линии, и место учебы молодняка. Остроги, их еще заставами называют, ну ты понял – это как сеть для рыбы, только против торхов. А разъезды и в степь уходят, и между заставами курсируют, их задача – обнаружить врага да сигнал подать дымный, на то у нас сигнальных срубов в степи сколько понатыкано, на то и заставы. Даже если десяток погибнет, хотя бы один должен спастись. У нас ведь как заведено: коли не успеваем от врага уйти, девять человек в сабли, а один на ближайшую заставу, да со всех ног.

Понятно... Десяток собой жертвует, лишь бы о враге упредить.

– Ты говоришь, за каждой заставой по эскадрону, да еще разъезды...

– Да, как минимум пять – семь десятков.

– А сколько же всего тогда в крепости людей?

– В каждой минимум по шесть сотен, но не больше семи. Причем гарнизоны застав и дозорные десятки меняются каждую неделю и числятся за крепостью. Это две сотни неумерших. Потому одновременно в крепости находится примерно четыреста человек – двести отдыхают перед очередным дежурством на кордоне, лучшая сотня дежурит в постоянной боевой готовности, а при ней же молодняк – еще сотня призванных в стражу бойцов, только проходящих обучение воинскому мастерству.

Немного посчитав в уме, я чуть ли за голову не схватился.

– Проклятье! То есть у барона Корга с четырьмя готовыми крепостями и двумя строящимися в подчинении не менее двух с половиной тысяч воинов, отлично обученных, да еще и всадников, среди которых затесались рейтары?!

– Ха-ха-ха... Мой дорогой друг, всего две с половиной сотни, да столько же в распоряжении самого барона. Не забывайте, дружинники занимают только командирские должности, как я например. Так что никаких выходов за рамки, означенные еще эдиктами короля Януша Четвертого, – ведь бойцы степной стражи не состоят на баронском довольствии и не служат в дружине барона. Формально они те же кметы из вольных поселенцев, осваивающих степь, на некоторое время призванные обучаться воинскому делу и защищать свою землю от степняков. А против обороны от торхов ни в одном из королевских эдиктов ничего не сказано.

– Да уж, хитро. Кстати, я ведь еще не знаю названий крепостей, только число. Может, просветишь?

– Охотно! Итак, первая крепость – самая первая, заложенная еще на нашей земле – Овчара. Кочевники нередко называют себя степными волками, ну а кто лучше всех защищает свое стадо от кровожадных хищников? Правильно, овчарки. Собственно, если уж немного обобщить, это относится ко всей страже. Рейха-архан...

Последние слова мой спутник произнес столь тихо и невнятно, что я решил его не переспрашивать. Но в то же время в речи Ируга я услышал некоторое несоответствие, что, безусловно, меня озадачило.

– А у вас есть крепости не на территории баронства?

– Конечно. Степной Волк, Орлица, Барс – все они с разной степенью углублены в земли кочевников. Дальше всех стоит Барс.

Еле-еле удержав отвисшую было челюсть, я озвучил первое пришедшее в голову:

– И как, торхи не пытались вам помешать при строительстве?

Мой спутник, свирепо усмехнувшись, хищно блеснул зубами:

– Пытались с Барсом, да куда там! Барон верно все рассчитал, мы подготовили для степняков ловушку. И когда они навалились на немногочисленных строителей, из-за только-только начавших возводиться укреплений ударила засада. В тот раз барон стянул к Барсу всю дружину и всех бойцов, вооруженных огнестрелами и самопалами. Удар получился знатный! Набили мы тогда не меньше тысячи степняков, да столько же в плен взяли.

– Ничего себе! Недурно.

– Еще бы!

– Да уж... Ну а все-таки, откуда пошли названия крепостей?

– В Степной Волк еще при самой закладке укреплений пробился немногочисленный отряд торхов, единый род. Они бежали от кровной мести – многие мужчины семьи сложили свои головы в степи. Так что служба барону стала последним шансом для изгнанников, и надо отметить, что именно у них мы почерпнули многое из боевого искусства, столь необходимого степному всаднику.

– Они и сейчас служат?

– Зачем? Женщинам и детям сразу выделили место для поселения, с ними оставили часть мужчин. Остальные попеременно отслужили положенные три года в страже и вернулись к родным. Впрочем, десяток лучших наездников состоит сейчас в баронской дружине.

– Да... Ваш барон просто настоящий мудрец. Право слово, государственный муж с большой буквы!

– А то. У нас барона очень уважают и любят, примите к сведению, господин советник.

Немного помолчав, я осмелился предположить:

– Как я понимаю, Орлица построена на возвышенности?

– Да. В удобном для строительства месте, на изгибе реки Цары – что бежит как по землям баронства, так и по владениям степняков.

Ранее там возвышался огромный курган. Говорят, его возвели какому-то древнему степному вождю кочевого народа, что жил в этих землях еще до торхов. Да и до половов, и до пченгов они жили, раз имя народа уже забыто... С кургана степь открывается на многие версты вокруг, а кроме того, Цара имеет рядом удобный брод, которым любили пользоваться торхи.

Вначале на кургане заложили заставу, но степняки несколько раз ее сжигали, истребляя гарнизон, несмотря на собственные потери. Тогда барон велел возвести уже более серьезное укрепление.

– Хорошо, тут я угадал, но почему тогда Барс?

На мгновение Ируг словно обратил свой взор внутрь себя, воскрешая в памяти какие-то тайные, но в то же время явно приятные картины. По крайней мере именно так мне подумалось, пока спутник молчал с каким-то одухотворенным и мечтательным видом.

– Если ты не знал, у нас барсы водятся только в горах и в нашем представлении прочно связаны с камнем. Также барс не выносит волков и часто вступает с ними в схватку, даже неравную. Бывали случаи, когда зверь погибал в бою со стаей, но до того умудрялся прикончить сразу нескольких хищников... Улавливаешь сходство?

Кажется, до меня действительно начало доходить...

– Я не могу понять: Барс что, возведен из камня?!

Ируг дерзко ухмыльнулся:

– Ну, положим, не из камня, а из кирпича. При возведении острога мы натолкнулись на обширное месторождение глины... Ты ведь не знаешь, как мы строим крепости? Вначале возводим внешний острог, затем в пяти шагах внутрь укрепления возводим вторую стену-частокол, а пространство между ними засыпаем землей, выкопанной из рва. Стены не круглые, а прямые, на углах и на расстоянии полета стрелы друг от друга возводим башни. Обычно их около шести – восьми штук. Так вот, когда Барсу еще только копали ров, строители нашли глину, крепость решили чуть перенести, а из глины начали лепить кирпич.

– И все же согласно эдикту Януша...

– Осади коней, господин советник! Во-первых, Барс выложен не из камня, а из кирпича, а про кирпич в эдиктах ничего не сказано. К тому же в Барсе из него выстроены только надвратные укрепления, угловые башни да внутренняя цитадель-донжон, все остальное выполнено из дерева. Во-вторых, наш милостивый король Януш Четвертый был человеком весьма педантичным и в эдиктах, помимо прочего, весьма точно указал границы Рогоры, в пределах которой баронам и графам запрещено возводить каменные укрепления.

Я действительно чуть не осадил коня. Не по совету Ируга – и так понятно, что то был лишь оборот речи, – а от чистейшего ошеломления. Вот это проходимцы...

– Многочисленная конная рать, рейтары, каменные крепости... Ируг, ты рассказал мне все это по простоте душевной или с каким злым умыслом?! Ведь я же советник барона, направленный в Рогору указом короля, и в первую очередь должен следить за соблюдением королевских указов!

Однако десятник и ухом не повел на мой возмущенный вопль.

– Так, господин Аджей, другие советники также знали все то, о чем я поведал, однако не находили ничего предосудительного. И потом...

– Что «и потом»?! – в нетерпении воскликнул я.

– И потом, разве мне есть что скрывать от сына барона Руга?

Я удивленно воззрился на спутника:

– Не совсем понял вас, Ируг. Объяснитесь.

Сухой тон и резкий переход на «вы» заставил десятника посуроветь, желваки под кожей так и заходили. Однако, пусть и не столь дружелюбно, он счел необходимым ответить:

– Сама идея степной стражи родилась именно благодаря действиям вашего отца. Простите, что напоминаю, но торхи похитили вашу матушку. Преследование позволило вызволить лишь вас, но и этот успех, по слухам, был результатом одной лишь удачи.

Однако ваш отец еще долго не оставлял надежды и предпринял целых семь вылазок в степь. Достаточные для сего предприятия отряды он собирал из своих людей, рогорцев, имеющих к степнякам личные счеты, и даже наемников. Несколько раз они успешно громили кочевья торхов, освобождая наших пленников и захватывая знатных заложников. Но никто не смог предложить на обмен вашу матушку...

Кочевники каждый раз пытались настигнуть барона Руга, нередко им это удавалось. Но ваш отец всегда принимал бой и, что более удивительно, неизменно выигрывал, несмотря на значительное численное превосходство врага. Тогда торхи начали серьезно беречься, высылая многочисленные дозоры, а приграничные кочевья стали держаться друг друга, нападение на степняков становилось все более и более сложным делом.

После седьмой попытки рядом с вашим отцом было уже недостаточно сильных и смелых людей, верно служащих господину или жаждущих отмщения кочевникам, закончились и деньги для наемников. Но и тогда барон Руга не отступился от идеи борьбы со степняками, с горсткой верных воинов он патрулировал границы баронства на манер витязей ругов, сиюсья перехватить именно тех бандитов... Результат вам известен. Десять лет прошло в бесплодных поисках, прежде чем барон удалился из Рогоры. За это время он нажил себе столько кровни-

ков среди степняков, что вряд ли ваша матушка могла уцелеть, даже если бы и выжила после того набега.

Барона Руга торхи прозвали Пеш-архан, «свирепый волкодав». Ничего не напоминает? Да, именно барон Руга выбрал место для строительства Овчары, способствуя и средствами, вырученными от походов, и добытым в походах оружием – им вооружили первых стражей. Более того, и первые десятники были набраны не из баронской дружины, а из рогорских сподвижников вашего отца. Так что Овчарой крепость названа в честь барона Руга...

За те десять лет чуть ли не ежегодных походов в степь и регулярного патрулирования жители степного приграничья вздохнули свободней. Барон Руга не раз перехватывал даже немалые отряды степняков и неизменно предупреждал о крупных набегах. Его действия были столь эффективны, что, когда лен принял барон Когорд, он предпочел воссоздать дружину по образу и подобию отрядов вашего батюшки. Уже из нее и родилась степная стража, рейха-архан, по-торхски – «стая волкодавов».

Все, больше не могу... Отец никогда не делился подробностями своей личной войны со степью, но сейчас... Проклятье, все, о чем говорит Ируг, словно встает перед внутренним взором, а вместе с навеянными видениями и мое одинокое детство, тоска по родителям, по маме... по папе.

Никогда не высказанная вслух обида на отца, лишившего меня своего присутствия, – и в то же время гордость за его любовь, за его честь и преданность, за воинскую доблесть... Пеш-архан... Проклятье, глаза предательски щиплет, а в горле встал настоящий ком. Не хватало еще разреваться, подобно слабой девчонке!

Глава 3

Лето 136 г. от провозглашения Республики Баронство Корг

Аджей Руга

Неделя пути до Лецека, стольного града баронства Корг, пролетела практически незаметно и, надо сказать, весьма продуктивно. Увлечшись рассказами Ируга о степной страже – ее традициях, воинских уловках на поле боя, историях самых доблестных ее воинов, – я загорелся освоить воинское ремесло «володавов». К тому же, как мне думалось, саблей я владел уже достаточно неплохо.

Увы, практика показала глубокую ошибочность моих суждений. Если я на что-то и способен, стоя на земле, то как всадник не стою ничего. В том смысле, что не обучен рубить ни сверху вниз – то есть схватке с пешцем, так и мало что смогу против другого всадника, не умея одновременно править лошадью и рубиться.

Поэтому в первую очередь рогорцы пытались выучить меня верховой езде по-степному, не мудрствуя лукаво сняв седло с коня и заставив целый день проездить на попоне. А что, до появления седла все так и ездили... Правда, для меня это было слабым утешением, ибо к концу перехода промежность болела нещадно. Кроме того, темп движения отряда был заметно снижен из-за моей неспособности переходить даже на легкую рысь.

Но, с другой стороны, этот день очень многое дал мне в плане понимания управления лошадью без привычной сбруи – это когда всадник направляет скакуна лишь надавливанием стопы (в моем случае всей ноги). Конечно, мои ноги, как оказалось, не столь тренированы, а молодой жеребец не приучен к подобному обращению, но кое-что мне все же удавалось... Поэтому все последующие дни я старался править Аругом²⁶ – да, вот такое имечко я выбрал поджарому и крайне быстрому молодому жеребцу, одному из лучших в хозяйстве отца – без стремлян, развивая в себе исконно степное искусство.

А на второй день я наконец-то узнал, для чего вообще нужно седло! А нужно оно для нанесения правильного рубящего удара сверху вниз – это когда упираешься ногами в стремяна, а тазом в луку седла и рубишь с оттягом, имея под собой надежную опору. Степняки и молодые стражи подобные удары тренировали на лозе – постарался не отставать и я, каждый раз бросая коня в галоп при виде даже молодого, еще тонкого деревца, стоящего у дороги, больше похожего на высокий кустарник, если быть справедливым. Не сразу, но удар мне дался, день где-то на пятый.

Правда, в Республике бытует несколько иной взгляд на практическую применимость седла. Ведь именно «правильное» седло, обладающее необходимым упором сзади, позволяет нанести таранный удар копьём – излюбленный воинский прием рыцарства и современных гусар.

И, лишь чуть-чуть поднатюпив в искусстве степной езды и правильной рубки, а заодно и базовых маневрах в конной схватке, и некоторых финтах с саблей, я приступил к верховой стрельбе из лука. Что же... За столь короткое время преуспеть в данном искусстве было практически невозможно, но учителя, несмотря на мои весьма посредственные результаты, довольно убедительно меня хвалили и подбадривали, дескать, молодец, не каждый на твоём месте так сможет. Поразмыслив, я пришел к выводу, что лучше поверить в честность спутников – так оно как-то проще живется, оптимистичней... По крайней мере, остановив с рыси жеребчика, я на седьмой день пути смог поразить средней толщины дерево с пятидесяти шагов.

²⁶ Аруг – в переводе с рогорского «стремительный».

И надо признать, меня самого сей не такой уж на деле и значительный результат весьма впечатлил – раньше-то я лука, почитай, и в руках не держал!

Седьмой день развел наши со степными стражами пути. Не дотянув до Лецека буквально пяти верст, тракт разошелся надвое – одна дорога вела в столицу, другая же в порубежье, где в крепости Степного Волка несут службу мои спутники. Тепло попрощавшись с Иругом и его воинами, я искренне пообещал, что сделаю все, что будет в моих силах, для степной стражи.

Теперь же меня сопровождает мерный перестук копыт молодого и резвого жеребчика, с которым я за последнюю неделю прямо-таки сдружился и который сию минуту просит меня устроить нечто вроде рубки лозы призывным ржанием – для него-то подобное воспринимается затейливой игрой. Плохо, конечно, что будущий советник барона – в Рогоре величина отнюдь не рядовая – прибывает к месту службы в гордом одиночестве. Но что поделать, брать в сопровождение наемников давно уже нет средств – с тех самых пор, когда отец оставил в Рогоре все сбережения семьи. Ничего, перебыюсь. В любом случае барон Корг примет сына старого друга с распростертыми объятиями, тут отец вряд ли ошибся.

Что же касается безопасности... В Корге давно уже не водится даже самых захудалых разбойников, а если вдруг откуда-то и объявится пара залетных, вряд ли я окажусь легкой добычей – пистолеты заряжены, сабля сама идет в руку, а за спиной к седлу приторочены колчан со стрелами и саадак с луком, подаренные стражей.

Я бы еще долго предавался подобным самоутрачивающим рассуждениям, но тут дорога наконец освободилась из тисков обступившего ее леса, открывая мне вид на впереди стоящий город, живописное озерцо, раскинувшееся чуть в стороне... и бешено несущегося вдоль его берега огромного черного скакуна. Породистый такой жеребец, очень сильный и мощный – такого не стыдно поставить под закованного в броню кирасира или крылатого гусара.

Дикий галоп красивого и сильного скакуна, однако, заставил меня озираться вокруг – где же хозяева? И только несколькими мгновениями позже я разглядел крохотную фигурку всадника, распластавшегося на холке и отчаянно вцепившегося в гриву коня.

– Проклятье, там же ребенок!

Бросив Аруга вскачь, я направил его наперерез огибающему озеро вороному. Скакун, весело всхрапнув, сорвавшейся с тетивы стрелой понес меня вперед, так что деревья вокруг слились в зеленое полотно, а в ушах засвистал ветер.

Мощный, яростно хрипящий черный жеребец, словно монстр из ночных кошмаров, несется строго на меня, будто хочет протаранить. Если Аруг подобен стреле, то этого зверя можно сравнить с выпущенным из катапульты ядром – таким же неотвратимым и смертоносным. В какой-то момент рука дергается к кобуре – но, застрелив коня, я наверняка погублю и всадника. Проклятье, что делать?! Он же просто опрокинет Аруга!

– Вбок!

От ужаса забыв, что мой скакун не понимает слов, секундой позже я до упора натягиваю поводья и бешено бью в лошадиный бок левой стопой. К счастью, Аруг слушается меня беспрекословно, и я успеваю развернуть его прежде, чем обезумевший жеребец нас настиг. Он пролетает левее, разминувшись с нами в половину локтя, я же, что есть силы подстегнув Аруга, бросаю его вдогонку.

Сказать, что я так никогда не скакал, – ничего не сказать. Оба породистых, обученных коня прекрасно чувствуют землю под ногами – будь иначе, наверняка уже кто-то распластался бы с вывернутой шеей...

Но вот на пути вороного оказалась рытвина. Я ее сумел благополучно обойти, а вот понесшая зверюга что-то не сворачивает...

– Аруг, быстрее!!!

В свой просящий крик я вкладываю все отчаяние – я не могу допустить, чтобы непутевый мальчишка погиб, просто не могу! – и жеребец, словно поняв меня, еще поднажал. Каким бы

ни был черный быстрым, но он выведен специально под тяжелого, латного всадника, а вот мой Аруг больше подходит для службы в легкой кавалерии, и потому он быстрее.

За несколько мгновений до того, как черный ухнул в рытвину, я успеваю схватиться за выпущенные мальчишкой поводья и с дикой силой рвануть на себя, разрывая коню рот. Одновременно с этим отчаянным рывком направляю Аруга вправо...

Мы обошли рытвину, скрытую высокой травой. Боль в раздираемых поводьями щеках все же отрезвила черного (хотя, по совести сказать, могло бы быть и наоборот), и он подчинил свой бег моему скакуну, я же стал потихоньку его тормозить.

Проклятье! Грудь ходит ходуном – никак не могу надышаться, все тело бьет крупной дрожью, а мышцы ног и рук отозвались такой болью, будто я весь день упражнялся на фехтовальной площадке! Да уж, приключенье!

Сдавленный стон напомнил мне о спасенном наезднике – и о моих самых каверзных, но воспитательных по отношению к юному глупцу намерениях.

– Малолетний ссыкун! Какого хрена ты полез на боевого коня?! Тебе что, отец мало мозги вправлял?! Да тебя не высечь, тебя батогами надо, да так...

Ругательства застыли в горле, когда я наконец-то бросил взгляд на наездника. Точнее, наездницу – девушку в мужском костюме. Но не узнать в этом изящном и гибком создании представительницу прекрасного пола просто невозможно: кожаные обтягивающие брюки лишь подчеркивают стройность ног, обхвативших раздувающиеся бока скакуна, а камзол великолепно подчеркивает тонкий стан, по которому от быстрой скачки разметались густые каштановые волосы... Взгляд скользнул по изящной шее, молочнo-белой коже, полным розовым губам, красиво очерченному носику... и провалился в глубокие карие глаза дикой серны, взгляд которых заставил сердце замереть на несколько мгновений, а после забиться в столь бешеном темпе, словно жуткая гонка со ставками в человеческую жизнь еще не завершилась.

Да, женщина всегда остается женщиной. Глаза прекрасной незнакомки трижды поменяли свое выражение: я успел заметить в них ужас пережитого, сменившийся сердитостью и обидой на мою брань, но и они отступили в момент затянувшейся паузы... Ибо в конце концов в глазах девушки загорелись извечно женские насмешка и кокетство.

– Что же вы, сударь, замолчали? Смею признаться, что отец нередко вправлял мне мозги лет до пятнадцати, после чего оставил сие бесперспективное дело за отсутствием всякого результата. А все последующие ваши угрозы – может, и справедливые, не спорю – по отношению ко мне сможет воплотить лишь законный муж. Увы, его пока еще нет... Но поднимать на себя руку я бы не позволила даже королю!

Насмешливая тирада, произнесенная звонким девичьим голосом, ласкающим слух, как и красота хозяйки, бросили меня в краску – я не могу видеть себя со стороны, но с отчаянием чувствую, как наливается кровью и начинает гореть все лицо, от щек до мочек ушей.

Брошенные незнакомкой слова – вполне естественный ответ на мою площадную брань – неожиданно ранили: я почему-то подумал, что прежде всего девушка поблагодарит за спасение. Поэтому, гордо вскинув голову, ответил сухо и отстраненно – пусть не обольщается произведенным эффектом, сегодня она в должниках:

– Сударыня, смею заметить, что у меня и в мыслях не было наказывать вас лично, даже в те мгновения, когда я думал, что передо мной нашкодивший нахал, замахнувшийся на неподъемную задачу. Этот жеребец вас бы прикончил, а я, если вы не успели заметить, приложил некоторые усилия, чтобы этого не допустить. Не могу ничего сказать насчет вашего будущего мужа, но на месте отца я не стал бы складывать руки по достижении вами пятнадцати лет и не остановился бы ни перед какими самыми жестокими и бессердечными методами воспитания. Лучше уж ежедневно сечь дочь, чем потерять ее и вовсе.

Вот так, фифа, знай наших!

Нахальная девчонка все же потупила взгляд и, как мне показалось, была готова произнести нечто извинительно-благодарное. Но ей помешал топот многочисленных копыт.

Десять. Десять крепких наездников вполне профессионально взяли нас в клещи всего за несколько секунд. Вид у ребяток не самый мирный, не располагают к благодушному разговору и многочисленные сабли, и рукояти притороченных к седлам самопалов.

– Укройте за мной и не высовывайтесь! – скомандовал я девчонке сквозь зубы, посылая Аруга вперед и разом вырывая из кобуры самопалы. Уже через мгновение оба ствола неотрывно ведут главаря разбойничьей ватаги, безошибочно определенного мною среди окружающих нас всадников (может, конечно, и не разбойники, но представляться незнакомцы не спешат – а раз так, будем готовиться к худшему).

Странно... В столице я три раза сталкивался с лихими людьми. И каждый раз, наблюдая, как из ночного мрака выныривают молчаливые тени да тускло блистает обнаженное оружие, я испытывал одно и то же – чудовищное напряжение во всем теле и мгновенное оцепенение, пока мозг лихорадочно «качает» ситуацию и ищет верный выход. Самому себе я казался в одночасье загнанным в угол зверем, по сути же им и являлся.

В подобной ситуации есть только два выхода: бей или беги. А в скоротечной уличной схватке все решают секунды, в которые одна из сторон наносит первый удар, – секунды, что я безнадежно терял. Однако меня выручали добрая выучка Ласара и отца и тот факт, что наши разбойники предпочитали деньги выманить угрозами, а не снимать их с хладных тел. Поэтому дважды я вступал в схватку и выходил победителем, разогнав не ждавших встретить жестокий отпор лихоимцев, а однажды сумел спастись бегством, оценив многочисленность врага. Но сейчас...

Сейчас я отчетливо понимаю, что не могу бежать, бросив девушку в беде. Как ни странно, на этот раз в теле ощущается восхитительная легкость, а по жилам словно бежит огонь – видимо, я еще не отошел от дикой скачки и ее чудовищного напряжения, а потому легко принял новую опасность. Отсутствие возможности выбора подстегивает меня сделать первый и, как мне кажется, правильный ход.

– Прикажи своим людям расступиться и пропустить меня с девушкой. В противном случае тебя я заберу наверняка.

Возможно, лихая отвага родилась во мне именно благодаря прекрасной свидетельнице моего «подвига». Но так или иначе напряженно смотрящий на меня главарь не торопится атаковать, а это уже маленькая победа. Правда, приказа расступиться он тоже не дает, но, если уверенность в необходимости нападения уже поколеблена, шансы у нас есть...

– Кто вы, назовитесь!

– Барон Аджей Руга! – гордо воскликнул я. – Новый советник Корга!

Удивительно, но главарь с облегчением улыбнулся:

– Десятник старшей дружины барона Корга Эрод! Госпожа, вы, как я вижу, вне опасности?

– Благодарю, десятник, вы наконец-то побеспокоились о моей безопасности, – язвительно ответила девушка и, поравнявшись со мной, продолжила в том же тоне: – Баронесса Энтара Корг, господин советник. Будем знакомы!

Челюсть моя безнадежно отвалилась...

Аруг захромал – последствия дикой скачки, и я с облегчением оторвался от конвоя баронессы. Терпеть с невозмутимым лицом каменного истукана язвительные насмешки девушки, что наверняка бы последовали, было не вмоготу, так что я с радостью слез с коня и попросил десятника предупредить барона о моем прибытии. Правда, Эрод крайне удивился моему пожеланию, предложив в ответ лошадь любого из дружинников. Я вежливо отказался, объяснив, что Аруг – мой боевой конь и соответственно мой соратник. А соратника в беде бросать нельзя

ни в коем случае, это противно дворянской чести. Ответом мне было немое одобрение, блеснувшее в глазах десятника. Впрочем, там читалось также и обреченное понимание...

Ну конечно, эта стервочка даже не слезла с черного жеребца, хотя, как я понял, оседлала его против воли десятника, обязанного девушку охранять. Увы, видимо, в отношении дочери барон Корг проявил непривычное для себя безволие, поставив ее капризы выше обязанностей телохранителей. А может, сам Эрод теряется перед властительной красавицей...

Однако мысли о девушке, хоть я через слово и поминаю ее стервой, не лишены привлекательности. При этом преобладает в них неприкрытое восхищение – уж из наших-то дворянок, например Хелена, вряд ли бы кто попытался в мужском костюме сесть на тяжелого гусарского скакуна, а после пережитого ужаса держаться столь непринужденно. Хотя сдается мне, что восхищаюсь я в первую очередь именно красотой девушки и никак не могу изгнать из памяти ее прелестные карие очи, теплые и ласкающие, словно лучи весеннего солнца... Какая девушка, какая... Баронесса Корг... Ведь неплохая партия, отец, нашедший жену в Рогоре, меня точно поймет и одобрит союз...

Что?! Союз? Какой такой союз, я что, всерьез начинаю думать о свадьбе с этой властной и непослушной стервой? После нескольких мгновений знакомства?! Да я безумен!

«Но разве не это имел в виду отец, когда говорил, что жениться нужно тогда, когда не жениться не можешь?» – ехидно уточнил внутренний голос.

А что, он ведь прав, он, как всегда, прав... А Хелена?

«А что Хелена, она ведь сама променяла твои и свои чувства на выгодную партию, разве ее любовь была настоящей? И разве твоя любовь могла быть настоящей, если ее чувства – ложь? А вот в этой дикой амазонке все настоящее – это чувствуется...»

Да, внутренний голос, ты прав. А раз так – прощай, Хелена. И вряд ли теперь мне когда-нибудь захочется тебя снова увидеть, пусть даже во сне. Что-то мне подсказывает, что отныне мне в грезах будут являться очи совсем не зеленого цвета...

Лецек, стольный град баронства Корг

Барон Когорд

– Господин барон!

Голос дежурящего у дверей кабинета старшего дружинника несколько возбужден, выдавая необычные для рядовой ситуации чувства. Поэтому и в моем голосе очень внимательный человек может уловить нотку беспокойства:

– Да, Эрод.

Всех старших дружинников, ветеранов боев со степняками, я знаю в лицо и наедине предпочитаю обращаться к ним подчеркнуто непринужденно, по имени.

– Господин барон, Эрод прислал гонца. Он встретил барона Руга, нового советника, сейчас тот направляется в город.

– Прекрасно! Он выделил ему почетное сопровождение из конвоя баронессы?

Лицо дружинника на мгновение чуть исказилось.

– Нет, господин. Я не совсем понял гонца, но, видимо, у барона Руга захромал конь, и он решил повести его в поводу.

Я поперхнулся вопросом о дочери, а потому произнес совсем не то, что желал озвучить:

– Твой брат, он что, дурак?! Неужели нельзя было дать новому советнику, к тому же сыну моего старого друга, другого коня и оставить людей в сопровождении?!

Эрод испуганно уставился на меня – он переживает и из-за моего гнева, и из-за старшего брата, десятника телохранителей баронессы, – но с ответом не промедлил ни на мгновение:

– Господин барон, он предлагал! Но ведь не мог же навязать лошадь и сопровождение против воли? Советник отказался.

Странно...

– Энтара была с Эродом или нет?

Брат незадачливого телохранителя ощутимо напрягся. Так, собака зарыта именно здесь – ну что там опять натворила эта разбойница?!

– Господин... Госпожа Энтара против воли Эрода оседлала Ворона.

Проклятье! Я же запретил ей седлать боевого, плохо обьеженного скакуна! Вот ведь дура молодая, нравится ей жизнь усложнять... А Эрод? Он же должен был не допустить этого! Да уж, перед этой амазонкой пасуют даже надежные воины... Нет, определенно ей нужен другой десятник телохранителей...

– И?..

Дружинник опустил голову и, будто бросаясь в омут, вымолвил:

– Энтара в шутку попробовала оторваться от охраны. Но Ворон понес, баронесса не смогла справиться с жеребцом...

– И?!!

– Ворона сумел остановить барон Руга – он как раз направлялся в Лецек.

– И поэтому у него захромал конь?!

– Да, мой господин.

Видимо, Энтара смогла уязвить его своими колкостями. Дрянная девчонка!

Неожиданно для самого себя я расхохотался. Робко улыбнулся и брат проштрафившегося дружинника... Что же, Эрода по-настоящему я наказывать не стану, но от баронессы, безусловно, удалю. Ей в охрану нужен кто-то постарше, кто не поддастся женским чарам этой непоседы.

– Быстрее распорядись выслать навстречу барону почетный конвой. Заодно отправьте человека к моей жене – пусть готовится встречать гостя. И да, на кухню тоже – нового советника, к тому же спасителя моей дочери, следует встретить с должным почтением!

В прибытии лихого юноши я увидел добрый знак – вряд ли этот парень сможет хоть как-то помешать моим планам. Просто не успеет. Наоборот... Пожалуй, если он смел, его стоит отправить в ту же Овчару – скорее всего, он с удовольствием увлечется борьбой со степью, как и его отец.

Если только... Да нет, обозы из Барса уже скоро потянутся в Лецек, а до этого стоит просто отвлечь его от дальней крепости... Что-нибудь придумаем.

Глава 4

Лецек, стольный град баронства Корга

Аджей Руга

Лецек меня совершенно не впечатлил. После всех рассказов моих спутников о замках (если на фряжский манер) степной стражи стольный град баронства представлялся мне чем-то вроде всегда готового к бою города-крепости. Но хлипкий частокольник в одно дерево, без всякого настила сверху, дабы вести со стены огонь, показался просто пародией на настоящее укрепление.

Первое негативное впечатление лишь усилилось, когда я миновал городские врата. Оказалось, что все дома в Лецеке совсем низкие, не более двух этажей, при этом нет ни одного каменного. В Лецеке вообще нет каменных построек, за исключением дома барона и казарм дружины.

К слову, господарский дом, окруженный уже значительно более крепким частоколом и к тому же расположенный на единственном в городе холме, выложен камнем добротно, в несколько локтей – такой выдержит попадание и пушечного ядра среднего размера. С внешней стороны к частоколу по всему периметру прилегают каменные казармы с той самой площадкой на крыше, отгороженной плетеным парпетом. Видимо, укрепление баронского дома скопировано с острогов степной стражи, и что-то мне подсказывает, что за внешним частоколом казарм также имеются каменные стены, причем максимально толстые.

Когда я оказался в верхнем граде – хорошо укрепленной резиденции барона, я успел обратить внимание, что двери во всех постройках чрезвычайно толстые, выполнены из мореного дуба, казармы со стороны двора не имеют окон, но зато оснащены множеством узких бойниц. А все окна баронского дома больше напоминают крепостные амбразуры и защищены коваными чугунными решетками – конечно, плетеными замысловатыми изгибами под дерево, но оттого не теряющими своего оборонного значения. При этом первый ярус выше земли на два человеческих роста – если какой противник и ворвется во двор господарского дома, то мигом попадет под перекрестный обстрел. Четыре башни по углам дома, в отличие от своих декоративных аналогов в метрополии, выглядят... внушительно и лишь закрепляют общее впечатление, произведенное владычной резиденцией Корга. Одним словом, если укрепления самого града просто никакие, то дом барона-воина меня не разочаровал. И ведь при этом ни один эдикт короля Януша о недопустимости строительства каменных укреплений не нарушен! Вот ведь продувные бестии!

Но все это верхний град. Нижний же, раскинувшийся вокруг единственного холма, разочаровал какой-то мещанской сонливостью и неторопливостью обывателей, что присущи заштатным, третьеразрядным городам Республики, но никак не столицам... Впрочем, я тоже барон, но у меня нет и такого городка, так, пара мелких деревушек. Если не сравнивать жизнь в Лецеке с бешеным ритмом и завлекающей красотой вечно праздной Варшаны, то есть, конечно, и свои плюсы: чистенько и аккуратно, люди приветливые... Увы, других достоинств Лецека я так и не смог обнаружить.

Хотя если говорить о завлекающей красоте, есть тут одна красотка...

Барон Когорд был чрезвычайно радушен при знакомстве и, надо сказать, сумел произвести впечатление: высокий, коренастый, с толстой шеей, массивными, широкими плечами и бицепсами в два охвата моей руки – его физическая мощь как бы преуменьшает рост, от фигуры барона веет медвежьей силой. Такому под стать не парадная шпага, с которой старый друг отца вышел мне навстречу, а длинный тяжелый двуручник – и я уверен, грозное оружие фряжских наемников порхало бы в его руках, словно легкая трость!

Супруга барона, Эонтея, невысокая, чуть полноватая, тем не менее сохранила женственные пропорции фигуры, грациозную плавность движений и свежесть лица. Мне было довольно одного лишь прямого взгляда на ее лицо, чтобы сердце пустилось вскачь – Энтара унаследовала мамины глаза...

И наконец, сама девушка, присутствие которой с каждой секундой укрепляет меня в той мысли, что чувства мои теперь мне неподвластны. Как же она хороша... Если на дороге я повстречал дикую амазонку, то в малом каминном зале, где практически в полном составе собралась семья барона (сын Торог находится где-то на степном кордоне), я увидел настоящую, не побоюсь этого слова, принцессу. Сложная прическа с ниспадающими на лоб локонами, серебряные серьги-дождик с аккуратными сапфирами, невероятно идущие к ее глазам и коже, черное с голубым шелковое платье, открывающее спину.

Вот, собственно, и все участники моей торжественной встречи, самый ближний (куда уж ближе?) круг барона. Кого-то такой прием мог и обидеть, но я по достоинству оценил, какое значение было уделено моей скромной персоне, раз я был принят не просто ко двору, а сразу представлен семье и с ней же разделил трапезу. Это в первую очередь говорит о расположении ко мне: в иных приближенных ко двору фамилиях такой прием, оказанный человеку со стороны, уже сам по себе награда.

Трапеза не слишком роскошна, но ведь за Разивиллами тут никто и не гонится, верно? Судя по тому, что я увидел на земле лена, барон каждую лишнюю крону вкладывает в развитие собственных владений и хорошим тоном предполагает не пускание пыли в глаза, а скорее, наоборот, демонстрацию весьма скромного достатка.

Но по совести сказать, стол Коргов так ярко напомнил мне домашние кушанья, что я оценил его в высшей степени достойным. Вместо вина сладкий хмельной мед, на закуску терпкий, соленый сыр, мой любимый, и знаменитое рогорское сало с мясными прожилками, чесночком и специями. На горячее подали торхский гуляш – мелко нарезанную баранину в томатно-сливочном соусе, а гарниром к нему пошли вареные плоды нынче модного в Республике картофеля. Впрочем, повара спешно дополнили второе блюдо запеченной в сметанно-чесночном соусе курицей.

В общем, все как я люблю. И обстановка за столом получилась какая-то домашняя, что ли. Впервые задумался, что Рогора и есть моя родина, а значит, по логике вещей, именно здесь должен быть мой настоящий дом. Что же, посмотрим, посмотрим...

– Ну, как говорят у нас, за Каменным пределом, чем богаты. Конечно, не столичные яства, но... – Барон сделал паузу, видно было, что он несколько смущен.

– Но ничего вкуснее этой курицы я не ел! – с дружелюбной улыбкой заверил я. – Если честно, я просто боялся торжественного приема, ведь я здесь никого не знаю, родных нет. Как держаться, как вести себя...

– Позвольте, молодой человек, – барон вернул улыбку, – но послезавтра будет просто необходимо устроить прием. Соблюдение определенных правил и традиций порой обязательно! Тем более когда идет речь о представлении нового советника... Моя вина, что я заранее не подготовился к торжественной встрече, но и вы никоим образом не предупредили о своем прибытии!

Ответ Когорда меня смутил. Мысль отправить кого-то из стражи у меня в свое время промелькнула, но бойцы, сопровождающие столь ценный груз, подчинены особым правилам, и их нарушение... Да ладно, я просто постеснялся, а сами спутники этого варианта не предложили.

– Оставь молодого человека в покое! Ну не известил и не известил, сын Владуша уж точно не пробирался тайком по твоему лену. Значит, были свои причины.

Неожиданная поддержка со стороны супруги барона приходится весьма кстати. Эонтея ласково смотрит на меня, ее мелодичный голос прямо-таки ласкает слух. Эх, если бы на меня так же смотрела ее дочка... Хотя бы так же...

– Как поживает ваш отец? Мы не виделись уже столько лет, подумать только... Я запомнила этого благородного мужа и воина извечно строгим, несколько сухим, но за этими качествами скрывался целый вулкан чувств и эмоций, барон тщательно их скрывал. Будто шаровая молния, загнанная в клетку.

– Вряд ли вы увидели бы разницу, встретившись с ним сейчас, госпожа.

– Говорят, ваш отец так и не нашел себе жену?

Это первая фраза, произнесенная Энтарой за столом. Задай сей вопрос любой другой человек, и я бы принял это за оскорбление, но из ее уст... Как мне показалось, за некоторой наглостью и бесцеремонностью скрывается женское любопытство, имеющее определенные мотивы.

– Энтара!

– Позвольте, госпожа, я не обижен вопросом, а потому отвечу: мой отец не то чтобы не нашел новую жену, а никогда ее не искал. Он верит, что по-настоящему любить можно лишь один раз, и всецело предан своей настоящей любви.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.